

ная коса") и далѣе въ село Юганское, въ 65 верстахъ отъ г. Сургута, находящееся въ предѣлахъ Васыоганья, на перекрестѣ $60^{\circ}45'$ с. ш. и $43^{\circ}12'$ в. д.

Погода въ теченіе іюня благопріятствовала экскурсіямъ: дни стояли большою частью ясные, иногда жаркіе; дни четыре было холодныхъ (до $+7^{\circ}$ Ц.); вечерами обыкновенно было свѣжо. Но іюльскіе дни были облачны, нерѣдко дождливы, съ холоднымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ.

Изъ Сургута я проѣхалъ на пароходѣ „Вѣрпій“ въ Тобольскъ—около 880 верстъ *), куда прибылъ на трети сутки; здѣсь осматривалъ губернскій музей, зоологическая коллекція которого оказалась довольно скучны и числомъ видовъ и количествомъ экземпляровъ, при чёмъ изъ Сургутского уѣзда въ музей оказалось только два-три объекта.

Дальнѣйшій путь отъ Тобольска до Омска (1140 верстъ по р. Иртышу) былъ на пароходѣ „Феллкитата“, а отъ Омска до Томска (882 версты)—по желѣзной дорогѣ.

Такимъ образомъ, слѣдя болѣе 4200 верстъ, я кругомъ объѣхалъ обширную область Васыоганья, покрытую болотами и урманами, богатую промысловыми звѣрями (медведь, лось, дикий олень, росомаха, соболь, горностай, бѣлка и др.), получившую громкую известность нестерпимымъ для человѣка и животныхъ „гпусомъ“ (таково общее название оводовъ и жалящихъ двукрылыхъ — комаровъ, мошекъ и слѣпней),— область, въ глубину которой до сихъ поръ еще не вступала нога натуралиста-зоолога.

Считаю пріятнымъ сказать, что отношеніе ко мнѣ полицейскихъ властей и мѣстныхъ жителей, съ которыми приходилось ближе встрѣчаться, было весьма предупредительное. Особенно обязанъ я за доставку многихъ череповъ и шкурокъ животныхъ Сургутскаго уѣзда мѣстному исправнику Григорію Александровичу Прожникову. Также пріятно выразить сердечную признателность моимъ спутникамъ по экскурсіямъ студенту Петроградскаго Политехническаго института В. А. Забецеву и сургутскому мѣщанину А. Я. Кушникову.

Мѣстность, гдѣ мнѣ пришлось производить фаунистические сборы, находится почти на границѣ холода и пояса Сибири съ полярнымъ (61° с. ш.). По свойственной высокимъ широтамъ бѣдности фауны, какъ въ смыслѣ разнообразія, такъ иерѣдко и количества видовыхъ формъ, я не въправѣ быть ограничиваться сборомъ животныхъ, которыхъ меня наиболѣе интересовали, а готовъ былъ собирать все, что, будучи доступно ближайшему опредѣленію, въ достаточной степени мо-

*) По указанію лоцмановъ; другіе считаютъ меньше — до 864 верстъ.

жеть характеризовать этот край. Вместе съ тѣмъ, не имѣя случая встрѣтить нѣкоторыхъ крупныхъ животныхъ, обитающихъ на территоріи уѣзда, я путемъ разспросовъ у мѣстныхъ жителей старался убѣдиться въ существованіи здѣсь нѣкоторыхъ видовъ. Такимъ пріемомъ ознакомлѣнія съ животнымъ міромъ страны издавна пользуются путешественники. Но я убѣдался, что относительно животныхъ, имѣющихъ промысловое значеніе, показанія мѣстныхъ жителей еще могутъ быть принципиальны во вниманіе. Далеко нельзя сказать того же о другихъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходится считаться съ провинціализмами названий. Можно понять, про какого звѣря говорятъ въ Сургутѣ, называя его „горносталь“^{**}); но когда известныхъ почти повсюду въ Россіи птицъ — стрижей или береговыхъ ласточекъ (*Cotyle riparia Briss.*) назовутъ „горонятами“, невольно приходишь въ затрудненіе, думая, что жь это за птицы. Кромѣ того, название, присвоенное въ Европейской Россіи одному опредѣленному животному, въ изучаемой мѣстности дается другому. Таково название „крота“, которое вообще въ Тобольской губерніи жители даютъ различнымъ грызунамъ, а иногда и настоящему кроту (*Talpa*), называемому также „медвѣдкой“. Въ спискѣ позвоночныхъ Тобольской губерніи *И. Я. Словцовъ* приводитъ, между прочимъ, сообщеніе свящ. Тверетинова о нахожденіи крота въ Сургутскомъ уѣзда, а затѣмъ пишетъ: „Несмотря на многочисленныя справки о распространеніи крота въ Тобольской губерніи, есть обстоятельство, по которому всѣмъ указаніямъ нельзя придавать одинаковое вѣроятіе: часто крота смѣшиваются съ *Aegicola amphibius* (водяная крыса). Въ продолженіе четырехъ лѣтъ заказывая крестьянамъ ловить для меня кротовъ, я болѣе чѣмъ на половину получалъ отъ нихъ этотъ видъ полевки“^{***}). Проф. *М. Д. Рузский* сообщилъ мнѣ, что во время зоологическихъ изслѣдований 1896 г. въ южныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи онъ просилъ мѣстныхъ жителей доставлять ему животныхъ, которыхъ они звали „кротами“, и всегда ему приносили слѣпушонка (*Ellobius talpinus Pall.*). Такая сбивчивость въ названіяхъ животныхъ, не имѣющихъ промысловаго значенія, привела меня къ заключенію, что, по крайней мѣрѣ, для Тобольской губерніи нельзя полагаться на зоологическую номенклатуру мѣстныхъ жителей.

Литература о природѣ и населеніи Сургутского края — довольно бѣдна.

Въ XVII столѣтіи посолъ царя Алексея Михайловича *Николай*

^{*)} „Горносталь“ — старинное название горностая (*Putorius ermineus L.*); упоминается въ „Дневнике“ 1675 г. у *Н. Славаря* (стр. 75).

^{**) Словцовъ, И. Я., „Позвоночные Тюменского округа и ихъ распространение въ Тобольской губ.“ („Материалы къ познанию фауны и флоры Российской имперіи“, отд. зоолог., вып. I, М. 1892, стр. 211—212).}

Спаеварій, отправляясь отъ Тобольска до Нерчинска, прошлъ на дощаникѣ по р. Оби отъ устья Иртыша до устья р. Кети, при чемъ въ своемъ „Дневникѣ“ сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ о природѣ и населеніи Сургутского края. Въ частности о животныхъ у него имѣются два замѣчанія, изъ которыхъ одно относится къ западной части края, другое—къ восточной *).

„Да на правой сторонѣ Иртыша рѣчка Бобровка, а вода черна, а ловять на ней бобровъ, соболей, лосей и иныхъ всякихъ звѣрей, а течеть изъ далново мѣста, изъ болотовъ“ **). Рѣчъ идетъ объ одномъ изъ правыхъ притоковъ Иртыша, берущихъ начало изъ Васыоганскихъ болотъ Сургутского края.

„Да на правой сторонѣ Иртыша рѣка Демьянка... отъ рѣчки Бобровки 3 версты“, —продолжаетъ далѣе Спаеварій. Въ виду того, что на картѣ западной Сибири, составленной В. П. Семеновымъ-Тян-Шанскимъ ***), въ 3 верстахъ выше р. Демьянки нѣть длинной рѣки, можно полагать, что Спаеварій говоритъ или объ одномъ изъ притоковъ Демьянки, или объ одномъ изъ рукавовъ послѣдней.

Въ бытность мою въ селѣ Юганскомъ, мнѣ говорили о богатствѣ по верховьямъ рѣкъ Югана и Демьянки звѣря: лося, дикаго оленя, соболя, медведя, а въ былые годы и бобровъ.

Замѣчаніе Спаеварія о звѣряхъ восточной части Сургутского уѣзда слѣдующее: „Да на лѣвой сторонѣ рѣки Оби ****) Тымъ рѣка и впада въ Обь рѣку издалека, а по ней живутъ остатки тымскіе князка Тунука, отъ Весковыхъ юртъ 11 верстъ. А тѣ остатки промышляютъ звѣрь соболь, лисицы черныя, бурыя и красныя, и бобровъ, и бѣлки, и иной многой звѣрь“ †).

И въ настоящее время въ указанной мѣстности встрѣчаются тѣ же звѣри, кромѣ только бобровъ. Правый притокъ Оби—рѣка Тымъ впадаетъ въ Обь на границѣ Сургутского уѣзда съ Нарымскимъ краемъ, вблизи Вескова яра.

Въ 1771 г. въ предѣлахъ Сургутского уѣзда былъ посланный Палласомъ студентъ В. Зуевъ, указанія которого на животныхъ этого края Палласъ привелъ въ своеемъ классическомъ трудѣ ‡). Эти указанія

*). „Путешествіе чрезъ Сибирь отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая русскаго посланника Николая Спаеварія въ 1675 г. Дорожный дневникъ Спаеварія“ („Записки П. Р. Г. О. по отк. этнографіп“, т. X, вып. I, Петр. 1882).

**) Тамъ же стр. 35.

***) Приложеніе къ изданію А. Девріена: „Россія. Т. XVI. Западная Сибирь“ (Петр. 1907).

****) Необходимо пояснить, что, плывя вверхъ по Оби, Спаеварій называетъ стороны „правая“ и „левая“ по отношенію къ себѣ, а не по отношенію къ течению рѣки.

†) Упомян. соч., стр. 65.

‡) Pallas, P. S., „Zoographia Rossio-Asiatica“, Petropoli MDCCCXI.

очень скучны, а относительно штиць, по словамъ *Финиша*, отчасти и неизвѣрны: Зуевъ получалъ свѣдѣнія отъ мѣстныхъ жителей, а такія свѣдѣнія представляютъ не болѣе, какъ только мѣстныя названія извѣстныхъ населенію животныхъ *).

Въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія природа и обитатели Сургутскаго края болѣе привлекали вниманіе изслѣдователей, при чмъ послѣдніе касались и животныхъ, преимущественно промысловыхъ, или получаемыхъ отъ нихъ продуктовъ.

Въ 80-хъ годахъ въ г. Сургутѣ жили *С. Словцовъ*, составившій „Очеркъ Сургутскаго края“ въ бытовомъ отношеніи, при чмъ упоминается о промысловыхъ животныхъ края **), и *И. Я. Неклепаевъ*, опубликовавшій этнографический очеркъ подъ названіемъ: „Повѣрья и обычаи Сургутскаго края“ ***). Въ этомъ очеркѣ также упоминается о нѣкоторыхъ мѣстныхъ животныхъ; наиболѣе интересны главы: „сувѣрныя воззрѣнія сургутянъ на природу и на разныхъ представителей животнаго міра“ и „метеорологическая примѣты“ по животнымъ.

На лѣто 1890 г. я былъ командированъ совѣтомъ Томскаго университета въ Сургутскій край для пріобрѣтенія матеріала по антропологии и этнографіи остыаковъ. Полученный матеріалъ былъ обработанъ мною ****) и *А. А. Ивановскимъ* †).

И. Я. Словцовъ въ статьѣ „Позвоночная Тюменскаго округа и ихъ распространеніе въ Тобольской губерніи“ ††), приводить свѣдѣнія о животныхъ Сургутскаго края, но изъ нихъ можно считать достовѣрнымъ только указаніе на зайца (*Lepus variabilis* L.), два экземпляра котораго были доставлены г. Словцову; другія свѣдѣнія основаны на показаніяхъ свящ. Стефана Тверетинова, и цѣнность ихъ такова же, какъ вышеупомянутыхъ указаний Зуева.

Въ 1894 г. врачъ *Б. Е. Клячкинъ* опубликовалъ работу „Санитарный очеркъ г. Сургута, Тобольской губерніи“ †††).

Лѣсничій *А. А. Дунинъ-Горкевичъ* въ статьѣ „Сѣверъ Тобольской губерніи“ ††††) обстоятельно перечисляетъ промысловыхъ животныхъ Сургутскаго края.

*) *Finsch, O., Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876*, Wien 1879, Seite 18.

**) Записки Западно-Сибирского Отдѣла И. Р. Г. О., кн. X. Омскъ 1888.

***) Записки Зап.-Сибирск. Отд. И. Р. Г. О., кн. XXX. Омскъ 1903.

****) „Антрапологический очеркъ остыаковъ Сургутскаго края“ въ газетѣ „Сибирскій Вѣстникъ“, 1890 г., №№ 85, 88 и 90. — „Матеріалы для антропологии Сибири. V. Матеріалъ для остеологіи остыаковъ“ въ „Извѣстіяхъ Имп. Томскаго Универс.“, 1893.

†) *Ивановский, А. А., Сургутские остыаки (по матеріаламъ С. М. Чуцукова)* въ „Русскомъ Антропологическомъ Журналѣ“ (1905, №№ 3—4, М. 1907).

††) „Матеріалы къ познанію фауны и флоры Российской имперіи“, отдѣлъ зоологіческій, вып. I. М. 1892.

†††) „Труды Томскаго Общества Естествоиспытателей и Врачей“, голъ IV. Томскъ 1894.

††††) „Ежегодникъ Тобольскаго губернскаго музея“, вып. VIII. Тобольскъ 1897.

гутского уезда, описывает способы ловли зверей, птиц и рыбъ и даёт характеристику домашняго скота.

Въ двухъ другихъ статьяхъ того же автора: „Очеркъ народностей Тобольского сѣвера“ и „Географический очеркъ Тобольского сѣвера“ *) описаны нѣкоторые обычай и вѣрованія сургутскихъ осяковъ, столющіе въ связи съ ихъ возрѣніями на животныхъ, климатъ и географо-топографическая условія жизни Сургутскаго края.

Въ краткомъ этнографическомъ очеркѣ г. Садовникова: „Съ рѣкѣ Ваха, Сургутскаго уѣзда“ **) перечислены рыбы, которыя водятся въ рѣкѣ Вахѣ, птицы и звѣри, обитающіе по берегамъ этой рѣки, и способы ловли этихъ животныхъ. Хотя свѣдѣнія о животныхъ, подобно таковымъ и у другихъ авторовъ, какъ видно, не принадлежать специалисту, тѣмъ не менѣе многія наблюденія г. Садовникова часто представляютъ немалый интересъ.

Къ первой Западно-Сибирской выставкѣ въ г. Омскѣ, бывшей въ 1911 году, распорядительнымъ комитетомъ Тобольского губернскаго музея была приготовлена изъ предметовъ музея этнографическая коллекція поздѣлій осяковъ Тобольской губерніи, съ объяснительной запиской къ этой коллекціи, иллюстрированной рисунками **). Среди этой коллекціи описаны разные предметы, выдѣлываемые сургутскими осяками изъ шкуръ и мѣховъ туземныхъ животныхъ.

Б. Н. Городко въ статьѣ „Поѣзда въ Салымскій край“ †) въ формѣ путевого дневника описываетъ картины растительности юго-западной части Сургутскаго уѣзда, при чёмъ мѣстами упоминаетъ о нѣкоторыхъ общепзвѣстныхъ животныхъ, встрѣченныхъ имъ по пути.

Къ изложеннымъ свѣдѣніямъ о животныхъ Сургутскаго уѣзда нелишне прибавить, что среди коллекціи птицъ Тобольского музея изъ Сургута имѣется только чучело гуся-гуменника (*Anser segetum Gmel.*) ††), а изъ сургутскихъ млекопитающихъ въ томъ же музѣе находятся только двѣ шкурки бѣлой бѣлки.

О безконечно разнообразномъ и обильномъ видами мірѣ беспозвоночныхъ, кроме неопределенныхъ указаний на жалящихъ двукрылыхъ, въ литературѣ о фаунѣ Сургутскаго края нѣть никакихъ свѣдѣній; также и въ Тобольскомъ музѣе я не нашелъ ни одного препарата изъ Сургута.

*) „Извѣстія Импер. Русскаго Географическаго Общества“, т. XL, 1904, вып. I—II. Петр. 1904.

**) „Ежегодникъ Тобольского губернскаго музея“, вып. XIX, 1909. Тобольскъ 1911.

***) „Издѣлія осяковъ Тобольской губерніи“ („Ежегодникъ Тобол. губерн. музея“, вып. XIX).

†) „Ежегодникъ Тобольск. губернск. музея“, вып. XXI. Тобольскъ 1913.

††) Лапинъ, А. М., „Орнитологическая коллекція Тобольского губернскаго музея“, Тобольскъ 1907, стр. 13.

О позвоночныхъ, не имѣющихъ промысловаго значенія, въ этой литературѣ ходятъ только неопределенные слухи.

Что же касается промысловыхъ животныхъ, то хотя изъ описанія многихъ авторовъ можно понять, о какихъ видахъ идетъ рѣчь, однако по существу эти виды животныхъ не были предметомъ специального опредѣленія и наблюдений.

Населеніе Сургутскаго уѣзда состоитъ изъ русскихъ, сосредоточенныхъ въ городѣ и немногихъ селеніяхъ, и полудикарей остыковъ, разсѣянныхъ по юртамъ обширнаго края. Въ общемъ жизнь этого населенія такъ тѣсно связана съ окружающей живой и мертвый природой, что, говоря объ одной, нельзя обойти молчаніемъ и другую.

II. Географія, климатъ, топографія и почва края.

Царскій наказъ отъ 19 февраля 1594 года, данный князю Феодору Барятинскому и Владимиру Аничкову, гласилъ такъ: „По указу государя Феодора Ивановича велѣно имъ быть на службѣ въ Сибпри, вверхъ по Оби рѣкѣ, ставить городъ въ Сургутъ... А пришедъ князю Феодору и Владимиру въ Сургутъ, въ которомъ мѣстѣ пригоже, высмотря мѣсто крѣпкое, поставить городъ всѣми ратными людьми и тамошними остыками. Да то мѣсто написать въ росписи и на чертежѣ начертить и всякия крѣпости выписать, гдѣ станетъ городъ“ *).

Изъ этого видно, — говорить П. Н. Бучинскій, — что „цѣлая область, гдѣ построенъ русскій городъ, называлась Сургутъ, подобно тому, какъ была область Нарымъ“ **).

Область Сургутъ во время занятія ея русскими имѣла почти тѣ же западную и восточную границы, какъ и въ настоящее время Сургутскій уѣздъ: на западѣ находилось разгромленное Ермакомъ царство Кучума, занимавшее нынѣшній Тобольскій уѣздъ, на востокѣ жила „Пѣгая орда остыцкая“, обитавшая въ области Нарымъ (нынѣшній Нарымскій край), которой владѣлъ князь Вѣня.

По административному начертанію фігура Сургутскаго уѣзда — неправильно пятиугольная. Двѣ стороны этой фигуры обращены къ сѣверу, ихъ крайняя точка — уголъ соединенія — достигаетъ 64° с. ш.; ломаная линія южной стороны имѣеть крайнюю точку около $58^{\circ}45'$ с. ш.; западная окраина доходитъ до 40° вост. долг. отъ Пулкова, восточная — до 52° в. д. Такимъ образомъ въ сѣверо-южномъ направлениі уѣздъ занимаетъ почти 5° (около 580 верстъ), въ западно-восточномъ — 12° (около 550 верстъ).

*) Бучинскій, П. Н., „Къ исторіи Сибири: Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ до 1645 г.“ Харьковъ 1893, стр. 2.

**) Тамъ же стр. 3.

Границы уезда: на северо-западе — Березовский уездъ, Тобольской губерніи, на западѣ — Тобольский, на северо-востокѣ — Туруханскій уездъ, Енисейской губ., на востокѣ — Нарымскій край, составляющій северную часть Томскаго уезда, на югѣ — частью Нарымскій край, частью Тарскій уездъ, Тобольской губ.

Сургутскій уездъ занимаетъ пространство болѣе 220 тысячъ квадр. верстъ; въ поперечномъ направлениі, съ востока на западъ, пересекается среднимъ течениемъ Оби, которая на востокѣ вступаетъ въ уездъ на перекрестѣ $59^{\circ}45'$ с. ш. и 50° вост. долг., а на западѣ оставляетъ уездъ на перекрестѣ 61° с. ш. и 40° вост. долг., протекши слегка изогнутой къ сѣверу дугой около 550 верстъ.

Долина рѣки Оби имѣеть въ ширину отъ 20 до 60 верстъ и въ половодье затопляется водой. Главное русло Оби проходитъ преимущественно около праваго берега; параллельно этому руслу съ лѣвой стороны идутъ боковые протоки въ два и даже въ три ряда. Начинаяющійся почти противъ города Сургута широкій и глубокій протокъ, отдѣленный отъ главнаго русла далеко къ западу протянутымъ высокимъ островомъ „Юганскимъ материкомъ“, называется Юганской Обью. Благодаря соединенію крупныхъ протоковъ между собою и съ Обью болѣе мелкими протоками образуется сѣть водныхъ каналовъ, раздѣленныхъ одинъ отъ другого рѣдко высокими, чаше измененными песчаными островами, изъ которыхъ первые покрыты хвойнымъ лѣсомъ, послѣдніе — тальникомъ. Въ полую воду эти каналы сливаются въ одно общее водное пространство, изъ котораго мѣстами то одиночно, то рядами торчатъ верхушки тальника и видныются мохнатые гребни высокихъ острововъ.

Въ предѣлахъ уезда въ Обь съ обѣихъ сторонъ впадаютъ многочисленные притоки, изъ которыхъ особенно выдѣляются длинной и многоводностью правые притоки: рѣка Вахъ, идущая съ северо-востока, рѣки Тремъ-Юганъ, Аганъ и Пимъ — съ сѣвера, и лѣвые притоки, несущіе съ юга воды Васыюганья, — рѣки Большой Юганъ и Салымъ. Въ половодье при устьяхъ этихъ рѣкъ образуются громадныя водныя пространства. Вода стоитъ выше средняго уровня сажени на три. Затопленные луга въ іонѣ покрыты саженной вышинѣ травой, верхушки которой то одиночными кучками, то длинными вереницами поднимаются на аршинъ надъ водной поверхностью; такія мѣста называются по-мѣстному „соръ“ *).

Сургутскій уездъ расположень въ холодномъ поясѣ Сибири. Температура ниже 0° держится въ теченіе семи мѣсяцевъ; средняя годо-

*.) Возвышенныя мѣста, никогда не затапляемыя во время разлива рѣкъ, здѣсь называются „материкомъ“, хотя бы это были острова; болѣе измѣнныя мѣста, покрытыя разливомъ, называются „брюмъ“, по спаду воды они образуютъ „хуга“.

вая — 3,1°. Амплитуда годовых колебаний температуры достигает 65,6°. Minimum наблюдается въ декабрѣ, до — 55°; maximum — въ июлѣ, до +30,6° (въ 1886 году). Средняя температура по даннымъ за 1893 — 1894 гг. была: весна — 3,3°, лѣто +14,4°, осень — 2,1°, зима — 21,3°. Ясныхъ дней въ году — 44, пасмурныхъ — 144, съ осадками — 177, изъ нихъ со снѣгомъ — 100. Вскрытие Оби въ среднемъ бываетъ около 17 мая, замерзаніе — между 11 октября и 6 ноября. При проѣздѣ моемъ мѣстности Сургута 20 сентября 1888 г. пароходъ кругомъ обмерзаль на пути.

Преобладающіе вѣтры — съверные; въ іюнѣ и іюль при мнѣ чаще наблюдались южные, съверные же всегда сопровождались тучами и рѣзкимъ пониженіемъ температуры.

Вышеупомянутый царскій посолъ Спаѳарій, въ отпiskѣ изъ Сургута отъ 24 мая 1675 г., писалъ: „Ѣдучи отъ Самаровскаго яму, государь, Обью рѣкою до Сургута, во многихъ мѣстахъ стрѣтили меня льды самые великие, что горы, и снѣги и стужи такие, что понудили меня, холопа твоего, стоять съ дощаницами у берега и обороняться лѣсомъ и бревнами отъ льдовъ, чтобы дощаницы не разбили. И ѿхаль я подлѣ берега межъ льдовъ до Сургута потихоньку, покамѣсть Обь отъ льдовъ не очистилась. И маія въ 23 день прїѣхалъ я въ Сургутъ“.

Въ отпiskѣ изъ Нарыма отъ 5 іюня Спаѳарій писалъ: „Въ Нарымъ, государь, прїѣхалъ я, холопъ твой, іюня въ 4-й день, однакожъ съ великою нуждою, для того, что по Оби рѣкѣ было великое наводненіе, и разлилась по полямъ и по лѣсамъ, будто море, и погода сильная, и стужи и снѣги по нынѣшнее число“ *).

Характерно описаніе климата Сургутского уѣзда, сдѣланное С. Шевцовыи: „Климатъ въ краѣ — пишетъ онъ — чрезвычайно суровый. Зимніе холода наступаютъ съ конца сентября, рѣже съ половины октября, и прекращаются лишь въ маѣ; случается, что зимою нѣсколько недѣль сряду стоять морозы не менѣе 40° Р., 20-градусные же считаются чуть не оттепелью. Рѣзкие съверо-восточные вѣтры дѣлаютъ сургутской холодъ окончательно нестерпимымъ, убийственно дѣйствующимъ на непривычного человѣка. 8 — 9 - мѣсячная зима круто смѣняется теплымъ и сырьимъ лѣтомъ. Сырости лѣга способствуютъ сильнѣйшие разливы орошающихъ округъ рѣки Оби и ея притоковъ: Ваха, Аганы, Пима, Югана и Салыма. Всѣ эти многоводныя рѣки со своими многочисленными и громадными притоками въ весенне время выступаютъ изъ береговъ и затопляютъ окрестности на сотни верстъ, и эта полая вода держится иногда до конца іюля; озера и болота также разливаются отъ снѣговой

*) „Дорожный дневникъ Спаѳарія“, стр. 169.

воды. Все это вмѣстѣ взятое превращаетъ окружъ мѣсяца на $1\frac{1}{2}$ —2 какъ бы въ сплошное болото и трясину... Несмотря на то, что скованную за зиму морозами землю довольно сильно печеть солнышко (термометръ поднимается до 20° — 30° Р.), почва тундро-болотистая, песчаная, никогда не оттаиваетъ глубже 1—3 фут.^{“”} *).

Эти наблюденія г. Швецова относятся къ 80-мъ годамъ прошлаго столѣтія. Въ Сургутѣ единодушно утверждаютъ, что въ настоящее время климатъ сталъ много мягче прежняго: зимніе морозы слабѣе и менѣе продолжительны, Обь вскрывается раньше, и въ маѣ на ней не наблюдалась большихъ льдовъ.

При проѣздѣ моемъ въ Сургутъ, въ началѣ іюна, уровень Оби стоялъ высоко: при устьѣ Томи — около $2\frac{1}{2}$ сажень выше средняго, у Сургута — до 3 сажень. Многочисленные протоки были слиты въ одну зеркальную поверхность съ главнымъ русломъ, и яры береговъ, за немногими исключеніями, казались невысокими. Многіе острова были залиты, и пхъ мѣстоположеніе означалось торчащими изъ воды верхушками деревьевъ и кустовъ; иногда участокъ водной глади былъ красиво обсаженъ вѣнцомъ свѣжей зелени тальника. Съ палубы парохода наблюдалю за смѣной береговыхъ очертаній представлялся рядъ калейдоскопическихъ измѣняющихся картинъ. Выступающія надъ водной гладью группы и вереницы деревьевъ, одиночные деревья и кусты, полосы кустовъ, ближнія и дальняя зеленая очертанія берега острововъ и материка, — все это то сдвигалось, тѣсни и заслоняя другъ друга, то развертывалось въ нѣсколько группъ и полосъ и, исчезнувъ, смѣнялось инымъ, своеобразнымъ и новымъ видомъ.

Пароходъ приставалъ обыкновенно къ мѣстамъ низменнымъ, водотопнымъ; на такихъ мѣстахъ большую частью раскинуты рѣдко встрѣчавшіеся по пути небольшіе поселки и юрты осятаковъ. Пассажиры изъ мѣстныхъ жителей объясняли, что наши крестьяне предпочитаютъ селиться на водотопныхъ мѣстахъ, имъ вблизи высокія сухія гризы, потому, что подъ рукой находятся хорошия посемные луга, где пасется скотъ, пмѣющиійся у нихъ въ большомъ количествѣ. На высокихъ мѣстахъ раскинута тайга, въ которой много „звѣря“ (медвѣдей), уничтожающаго скотъ. Въ тайгу крестьяне ходятъ только для охоты за звѣрями.

Въ предѣлахъ Нарымскаго края высокіе яры встрѣчаются рѣдко. Отъ устья Томи до границы Сургутскаго уѣзда я замѣтилъ около села Кривошеина лѣвобережный яръ высоотою до 7 саж., затѣмъ — ниже с. Молчанова, также на лѣвомъ берегу, яръ около 5 саженей, и у

*) Швецовъ, С., „Очеркъ Сургутскаго края“, стр. 1—2.

с. Тымского, на правомъ берегу, яръ до 2 саж.; подлѣ села песчаный берегъ покрытъ высокоствольнымъ сосновымъ боромъ.

Въ предѣлахъ Сургутскаго уѣзда, отъ Вескова яра до Сургута, встрѣчавшіеся по пути поселки въ большинствѣ случаевъ, а юрты исключительно, расположены на водотопныхъ мѣстахъ. Бывшія въ теченіе двухъ дней (5 и 6 іюня) остановки парохода мною отмѣчены на слѣдующихъ пристаняхъ:

1) Деревня Мурасы, на лѣвомъ берегу; здѣсь остановка была для нагрузки кедровыхъ орѣховъ, сборомъ которыхъ занимаются преимущественно русскіе.

2) Прохоркины юрты, на правомъ берегу; остановка по той же причинѣ, здѣсь остиками продавалась рыба: ерши, язи, стерлядь.

3) Порчины юрты, на правомъ берегу, дровяная пристань; постройки расположены частично на водоточномъ мѣстѣ, частично на высокомъ песчаномъ берегу.

4) Верхнія Вартовскія юрты, на правомъ берегу. Здѣсь на торфяномъ болотѣ, поросшемъ низкорослой корявой сосной, мной собрано было около десятка насѣкомыхъ, преимущественно бабочекъ, изъ которыхъ три перламутровки (*Argynnис aphigare ossianus* Hbst., *Arg. euphrasyne* *frigal* Hbst. и *Arg. frigga* Thnb.) и *Erebia embla* Thnb. характерны для такой мѣстности.

5) При остановкѣ около Ерганкпныхъ юртъ, на правомъ отлогомъ песчаномъ берегу, собрано болѣе десятка жуковъ изъ семействъ *Cageridae* и *Staphylinidae*.

6) Село Александровское, бывшія Нижне-Лумпокольскія юрты, расположено на лѣвомъ высокомъ берегу.

7) По минованіи широко разлившагося устья р. Ваха остановка была у Ермаковыхъ юртъ, на правомъ берегу; мѣсто водотопное, къ пароходу жители отъ своихъ жилищъ подѣзжали на лодкахъ.

8) Миновавъ Майонскія юрты, останавливались у села Покурскаго, на лѣвомъ берегу; путь къ селенію шель протокомъ.

9) Остановка у села Локосова, расположенного на лѣвомъ высокомъ берегу; село съ трехъ сторонъ окружено тайгой. Подлѣ пристани находятся болотистая мѣстность, прилегающая къ заливу; здѣсь было собрано около десятка насѣкомыхъ и 6 лягушекъ, изъ которыхъ двѣ относятся къ виду *Rana fusca* Rösel, остальные — къ *Rana arvalis* Nilss.

10) Пристань „Бѣлый яръ“, на правомъ берегу, въ 7 верстахъ ниже г. Сургута. Сюда обыкновенно пристаютъ пароходы, привозящіе товары и пассажировъ въ Сургутъ, такъ какъ по мелководью протока Бардаковки, при которой расположень городъ, пароходы не могутъ останавливаться у самаго города. Но, по случаю высокой воды, въ срединѣ

йона раза три при миѣ пароходы подводили къ самому городу, что вызывало въ Сургутѣ необычное оживленіе. Между пристанью и городомъ проведенъ телефонъ.

Пристань „Бѣлый яръ“ расположена на отлогомъ песчаномъ берегу, высота котораго достигаетъ сажень пяти; среди желтой поверхности берега выдѣляется широкая площадь бѣлаго песка. Въ пескѣ мнѣ встрѣтились гальки изъ песчаника, слюдистаго сланца и кварцита.

Старинный городъ Сургутъ, построенный въ 1594 г., расположенъ на правомъ берегу Оби, у протога ея, называемаго рѣчкой Бардаковской, на песчаномъ яру, наибольшая высота котораго на западной сторонѣ, по моему измѣренію, достигаетъ $7\frac{1}{2}$, саж. надъ среднимъ уровнемъ рѣки; къ южной окраинѣ города яръ постепенно понижается до 2 саж. Песчаная почва города покрыта травой, за исключеніемъ прибрежной полосы къ сѣверо-западу отъ города и площади у старинной каменной церкви и деревянного зданія полицейского управления, где травы пѣть и почва представляетъ топкій, сыпучій песокъ. Мѣстами на зеленомъ коврѣ улицъ замѣчаются лысины и выбоины, откуда выглядываетъ песчаная почва. Въ бытность мою въ Сургутѣ въ 1890 году обнаженная отъ травяного покрова площадь была гораздо меньше, почему есть основаніе думать, что если сургутяне не будутъ заботиться о сохраненіи зеленаго покрова своихъ улицъ, то послѣдняя со временемъ примутъ совершенно оголенный, лишенный удобства для ходьбы и ъзды, видъ песчаной мѣстности, а во время вѣтровъ деревянная жилница будуть совершенно засыпаемы мелкимъ пескомъ.

Съ востока городъ огибаетъ рѣчка Сайма, выходящая изъ болотъ, расположенныхъ въ тайгѣ къ сѣверу отъ города, и представляющая широкий заливъ Бардаковки. На сѣверо-западѣ, за „поскотиной“ (выгонъ для скота), представляющей отчасти „оголенную“ отъ тайги мѣстность, отчасти высохшее болото, тянется тайга, которая и продолжается далѣе по правому берегу Оби. Теченіе Оби у города имѣеть направленіе съ юго-востока къ сѣверо-западу.

Верстахъ въ 12 отъ города, ниже Бѣлаго яра, правый берегъ Оби повышается сажень на десять надъ уровнемъ рѣки. Эта мѣстность получила название Барсовой горы; здѣсь, по преданию, было мѣстопребываніе остыцкаго князя Барса. Слегка холмистая сухая мѣстность пересѣкается глубокими оврагомъ и покрыта почти непролазной тайгой. По краю возвышенного берега раскинуто пять такъ называемыхъ „городковъ“. Каждый „городокъ“ представляетъ четырехугольную площадь, обнесенную высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ. Длинникъ „городка“ въ сѣверо-южномъ направленіи тянется сажень на 40, ширина — сажень на 20. На срединѣ сѣверной стороны валъ и ровъ прерываются,

почему эта часть имѣеть значеніе входа въ „городокъ“. Почва здѣсь повсюду песчаная.

Въ послѣднее время вдоль высокаго берега прорублена просѣка для телеграфа, который осенью 1913 года соединилъ Сургутъ съ Тобольскимъ черезъ село Самаровское.

Къ югу, противъ г. Сургута, верстахъ въ семи, за русломъ „коренной“ Оби, возвышается утесомъ восточная часть Юганскаго материка, называемая „Каменный мысъ“. Какъ и на Барсовой горѣ, здѣсь въ песчаной почвѣ встрѣчаются неправильной формы камни, величиной аршина въ полтора и болѣе. Въ короткое время на вершинѣ Каменного мыса я нашелъ въ различныхъ разстояніяхъ однѣ отъ другого восемь такихъ камней, покрытыхъ густымъ слоемъ мховъ; на Барсовой горѣ мнѣ встрѣтилось четыре камня, изъ которыхъ одинъ, находящійся подлѣ „городка“, оказался кругомъ окопаннымъ бывшими здѣсь археологами и, по словамъ моего спутника Т. И. Миронова, перевернутымъ лично имъ самимъ. Отбитые отъ такихъ сѣраго цвѣта камней осколки-образцы представляютъ, по мнѣнію П. П. Пилипенко, кристаллически-зернистую породу габбро, развитую на Уралѣ.

По разсказамъ, самый большой камень находится на берегу Юганскаго материка, подлѣ рѣчки Казенной, у залива. Берегъ здѣсь высоотою сажень до пяти, вышина залегающаго въ немъ камня — одна сажень, а ширина — сажень около пяти; отъ воды камень лежитъ саженяхъ въ пятнадцати.

У остатковъ существуетъ повѣрье, что описанный камень — окаменѣлая голова ихъ богатыря, и что этотъ камень обладаетъ даромъ предсказанія. „Половина головы богатыря лежитъ въ землѣ (разсказывалъ мнѣ сѣдовласый остатокъ), половина — надъ землей; вотъ, приходи вдвоеемъ и мѣряй ее одной мѣрой, одной саженью: кому дольше жить, тотъ смѣряетъ 8—10 сажень, кому — менѣше, у того выйдетъ 4—5 сажень. Такъ голова то болѣше, то менѣше дѣлается, а мѣра твоя — одна“.

Издали Каменный мысъ представляеть выдающійся надъ Обью утесъ, покрытый лѣсомъ, среди котораго возвышаются то тамъ, то здѣсь вершины ели и пихты. При вступлениі въ него оказывается, что здѣсь преобладаютъ тонкоствольные лиственныя породы: береза, осина, и бро-сается въ глаза масса валежника, то сгнившаго, то обгорѣлаго. По разсказамъ, здѣсь были часты лѣсные пожары, изъ которыхъ пожаръ въ іюль 1890 года, въ мою бытность въ Сургутѣ, едва ли не былъ наиболѣе значительнымъ. Мѣстность — крайне неровная, не замѣтно даже небольшой площадки: повсюду то бугры, то впадины и овраги, и, взбираясь на высоту, приходилось пробираться, то поднимаясь, то опускаясь. Открытыхъ, доступныхъ солнцу, мѣсть и мало, и они невелики,

не болѣе сажени въ ширину. И по долинамъ, и по горкамъ почти повсюду сумерки, полная тишина и отсутствіе жизни: ни звѣрка, ни птички, ни жучка не встрѣтишь я за время своего пути по этой трущобѣ. По берегу, вблизи открытыхъ мѣсть, встрѣтилось нѣсколько наѣккомыхъ, обычныхъ для ближайшихъ окрестностей Сургута.

Село Юганское, въ 65 верстахъ къ югу оть Сургута, расположено на лѣвомъ берегу р. Большого Югана, впадающаго въ Юганскую Обь. Берега этой многоводной рѣки образуютъ яры, которые, при высокомъ стояніи воды въ Оби, имѣютъ высоту до 5 саж. Большой Юганъ, на своемъ почти 400-верстномъ пути, притываетъ свыше 30 притоковъ, вытекающихъ изъ болотъ Васьюганья. Въ большую воду рѣка доступна для пароходовъ па 150 верстъ, и въ это время теченіе Югана тихое,— «воду спираетъ»; по спадѣ воды—теченіе быстрое, ширина рѣки становится до 150 саж. при глубинѣ до трехъ. Вода въ Юганѣ темно-желтаго цвѣта, въ видѣ густого чайного настоя.

Р. Юганъ находится на юго-восточной сторонѣ села, а съ сѣверо-восточной стороны село окаймлено рѣчкой Варлевой, имѣющей видъ широкаго залива со стороны Югана; берега послѣдней отлоги и болотисты. Такимъ образомъ село Юганское расположено на мысу. Съ остальныхъ сторонъ село ограничиваетъ полукругомъ тайга съ преобладаніемъ елп. Валежникъ, кочковатыя болота, лишенныя лѣса трясины, густой переплетъ растительности, вѣчный сумракъ, за исключеніемъ небольшихъ озаренныхъ участковъ, комары съ особенно острой слюной, полное отсутствіе звуковъ въ глубинѣ лѣсной чащи,— вотъ основные черты этой угрюмой трущобы. Почва по высокимъ мѣстамъ песчаная, по низинамъ — глинистая.

Песчаные острова на Оби имѣютъ вытянутую форму; изъ нихъ покрыты по краю тальникомъ, посрединѣ травами; на высокихъ, кроме травъ, растутъ кустарники, береза, а чаще сосна. Довольно своеобразную форму имѣть островъ „Орловые борки“, лежащий верстахъ въ 12 выше Сургута, противъ Каменного мыса.

По понятіямъ осяковъ, этотъ островъ представляетъ собой туловище того богатыря, окаменѣлая голова котораго поконится на Каменномъ мысу. На этомъ островѣ я былъ тому назадъ 23 года, когда онъ не былъ такъ густо покрытъ травой, кустарниками и соснами, какъ въ настоящее время, почему очертанія его были рельефнѣе.

Длинникъ острова расположены съ востока на западъ, по течению рѣки. Отъ западнаго края острова тянутся двѣ равной величины косы, будто „ноги“; средина острова представляетъ холмъ большей величины, какъ бы „брюх“; а на восточной части острова лежать рядомъ два меньшихъ холма, соответствующіе выпуклостямъ богатырской „груди“.

Стоя на большемъ холмѣ, я видѣлъ всѣ очертанія острова, напоминающія собой часть человѣческой фигуры, лежащей кверху передней поверхностью туловища.

„Дикъ и непривѣтенъ Сургутскій край“,—говорить г. Швецовъ.— „Все въ пѣнь сурово, печально, угрюмо, хотя грандиозно и величественно: сурою климатъ, угрюма и таинственна молчаливая тайга, непривѣтны необозримыя пространства водъ. Холодомъ и уныніемъ вѣтъ отъ этого далекаго края, но это не холодъ могилы, — повсюду замѣтны проявленія жизни“*).

С. М. Чууновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

* „Очеркъ Сургутскаго края“, стр. 3.

Природа и люди Сургутского края *).

III. Флора и население края.

По г. Дунину-Горкевичу **), лесная площадь занимает 81% всей территории Сургутского уезда. Северная часть уезда возвышенна; на ея северо-западной окраинѣ преобладаетъ сосна (*Pinus silvestris L.*); на пространствѣ отъ рѣкъ Агана до Ваха мѣстность торфяно-болотистая съ преобладаніемъ кедра (*Pinus sempervirens L.*); северо-восточная окраина, отъ р. Ваха до границъ Нарымы, занята урманомъ, въ которомъ встрѣчаются кедръ, сосна, ель (*Picea obovata Ledeb.*), пихта (*Abies sibirica Ledeb.*) и вкраеплена лиственница (*Larix sibirica Ledeb.*). Южная часть Сургутского уезда, по лѣвой сторонѣ Оби, лежитъ въ поясѣ высокоствольныхъ лѣсовъ. Но эти громадные и величественные лѣса также не отличаются разнообразiemъ древесныхъ породъ. Изъ хвойныхъ породъ преобладающими являются ель и сосна, хотя также повсемѣстно распространены кедръ, лиственница и мѣстами пихта. Изъ лиственныхъ породъ встречаются преимущественно осина (*Populus tremula L.*) и береза (*Betula alba L. v. latifolia Tausch.*), растущія болѣею частью по островамъ и гарямъ. На островахъ, кроме березы („Березовая протока“ на пути отъ Сургута въ Нѣмчиновы юрты) и осины, распространены разные виды ивы и тальника (*Salix pentandra L.*, *viminalis L.*, *Caprea L.*, *depressa L.* α *cinerascens* и β *livilida Anderss.*), черемуха (*Prunus padus L.*), шиповникъ (*Rosa cinnamomea L.* и *acicularis Lindl.* α *typica Rgl.*), рѣже — сосна (островъ на Оби близъ Сургута — „Сосновая грива“).

Въ общемъ, въ дачахъ сургутского лѣсничества породы лѣса считаются въ такой пропорціи: кедра — 50%, сосны — 30%, ели и пихты 10%, осины и березы — 10%, лиственница вкраеплена.

П. Н. Крыловъ, проѣзжая въ іюль 1885 г. по Оби въ Томскъ, при остановкахъ парохода собралъ между Сургутомъ и селомъ Тымскимъ гербарій, состоящій изъ 51 вида цветковыхъ растеній ***). По предложению П. Н. Крылова, въ окрестностяхъ Сургута я собралъ въ іюль 1890 г. — 39 видовъ и въ іюнь 1913 г. — 110 видовъ ***). Въ

*) См. „Естествозн. и Геогр.“, 1915, № 4.

**) „Северъ Тобольской губерніи“, стр. 33—38.

***) Крыловъ, П. Н., „Материалъ къ флорѣ Тобольской губ.“ („Извѣстія Импер. Томского Университета“, кн. V).

****) Всѣ виды опредѣлены П. Н. Крыловымъ.

совокупности эти три сбора доставили свѣдѣнія о 127 видахъ цвѣтковыхъ растеній Сургутского края. По мнѣнію П. Н. Крылова, въ Сургутскомъ уѣздѣ должно быть около 350 видовъ цвѣтковыхъ растеній; следовательно, собранный въ 127 видовъ гербарій составляетъ немногимъ болѣе трети растеній уѣзда, при чёмъ болѣе 47% взятыхъ растеній свойствены болотамъ и сырымъ мѣстамъ, около 35% — песчаной почвѣ сосноваго бора, и около 12% составляютъ сорные травы, взятые около жилья въ г. Сургутѣ.

Б. Н. Городковъ въ 1911 году, во время экспедиціи по р. Салыму, протекающей по юго-западной части Сургутского уѣзда, собралъ гербарій въ 300 видовъ, изъ которыхъ 244 относятся къ цвѣтковымъ *).

Кромѣ упомянутыхъ выше видовъ растеній, считаю уместнымъ указать на слѣдующіе, встрѣчаемые въ сургутскомъ урманѣ: рябина (*Sorbus aucuparia* L.), калина (*Viburnum opulus* L.), бузина (*Sambucus racemosa* L.), смородина (*Ribes pubescens* Hedlund.), черная смородина (*Ribes nigrum* L.), малина (*Rubus idaeus* L.), костянка (*Rubus saxatilis* L.), княженика (*Rubus arcticus* L.), морошка (*Rubus Chamaemorus* L.), черника (*Vaccinium Myrtillus* L.), брусника (*Vaccinium Vitis idaea* L.).

Въ бытность мою въ Сургутѣ въ 1890 г. огородничество здѣсь почти не было въ ходу: по крайней мѣрѣ, засѣвался только одинъ картофель. Въ настоящее же время огорода распространены. Картофель, рѣпа, морковь, рѣдька, огурцы произрастаютъ довольно успѣшно; кромѣ этихъ овощей, садятъ капусту, свеклу и лукъ, но посадка послѣднихъ не каждый годъ бываетъ удачна.

Опыты съ посѣвомъ хлѣбовъ, сдѣланные въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ с. Юганскомъ и въ окрестностяхъ Сургута, показали, что здѣсь можно воздѣлывать изъ яровыхъ рожь (ярицу), ячмень, овесъ, ленъ и коноплю, а изъ озимыхъ — рожь и пшеницу; послѣднія въ нѣкоторые годы могутъ дать хорошій урожай.

Успѣшность произрастанія растительности здѣсь обусловлена тѣмъ, что температура въ теченіе лѣта (июнь — юль) весьма быстро возрастаетъ и солнце грѣеть въ теченіе длинныхъ дней около 20 часовъ въ сутки. Поэтому периоды роста, цвѣтенія и созрѣванія растеній сокращаются. Такимъ образомъ хлѣбопашество въ краѣ возможно, но отъ систематического занятія земледѣліемъ отвлекаетъ сургутянъ привычка къ привозному хлѣбу, къ занятію рыболовствомъ и охотой за пушнымъ звѣремъ и къ выгодному товарообмену съ инородцами.

*.) „Списокъ растеній, собранныхъ на р. Салымѣ въ 1911 году“ („Ежегодникъ Тобольск. губернск. музея“, вып. XXI, Тобольскъ 1913).

Нелишне прибавить, что цветыки съ декоративными растеніями я встрѣтилъ въ Сургутѣ только при квартирѣ акушерки. Отсутствіе цветниковъ при болѣе состоятельныхъ домахъ придаетъ скучный видъ и безъ того обыкновенно неоживленнымъ улицамъ города и, мнѣ кажется, объясняется не суровостью климата и короткостью лѣта, а отсутствіемъ склонности у жителей къ эстетической обстановкѣ фасада своихъ квартиръ. Цвѣты на окнахъ квартиръ также замѣчаются рѣдко.

Изъ статистическихъ пислѣдований *Н. М. Ядринцева* *) видно, что въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія процентъ остатковъ на число русскихъ въ Сургутскомъ уѣздѣ равнялся 354,67%; всего въ уѣздѣ было 3898 мужчинъ и 3714 женщинъ, слѣдовательно на 100 мужчинъ приходилось 95,2 женщинъ (или на 100 женщ. — почти 105 мужч.), что характерно для инородческаго населенія. Въ Сургутѣ же было 510 мужч. и 634 женщ., т.-е. на 100 мужчинъ приходилось 124,3 женщ. (или на 100 женщ. — 80,4 мужч.), а въ уѣздѣ тогда русскихъ было 260 мужч. и 289 женщинъ, слѣдовательно, на 100 мужч. приходилось 111,1 женщ. (или на 100 женщ. — 90 мужч.), какъ это и свойственно русскому населенію.

Въ концѣ 1890 г. сургутскій окружный вратъ *В. Е. Клячкинъ* лично произвелъ подворную перепись населенія г. Сургута **). Постоянныхъ жителей оказалось 1145 человѣкъ (сюда не вошли 33 человѣка солдатъ мѣстной команды, временно проживавшихъ тогда въ Сургутѣ), изъ нихъ 524 мужч. и 621 женщ., слѣд., на 100 мужчинъ обычнаго населенія приходилось 118,5 женщинъ (или на 100 женщ. — 84,3 мужч.). На каждую жилую квартиру приходилось 5,7 чел. Средняя продолжительность жизни сургутскаго населенія, по вычисленіямъ автора, оказалась очень мала: 19,1 года — для мужчинъ, 21,9 года — для женщинъ и 20,5 года — для обоего пола.

Г. Клячкинъ пишетъ, что, узнавъ въ декабрѣ 1890 г. путемъ подворной переписи наличную цифру сургутскаго населенія — 1178 человѣкъ, онъ справился въ полицейскомъ управлѣніи, сколько официально „состояло“ въ Сургутѣ жителей къ 1 января 1891 г.: оказалось 1677 человѣкъ. На основаніи „громадной разницы“ между данными полиціи и свѣдѣніями, добытыми во время переписи, авторъ заключаетъ, что „цифры полицейского управлѣнія подлежать сомнѣнію и точными считаться ни въ какомъ случаѣ не могутъ“ ***). Но официальные цифры показываютъ не наличный составъ населенія, а сколько въ данномъ случаѣ „числится“ мѣщанъ въ г. Сургутѣ.

*) „Сибирские инородцы“, Петр. 1891, стр. 267, 283.

**) Клячкинъ, В. Е., „Санитарный очеркъ г. Сургута Тобольской губерніи“ („Труды Томского Общества Естествоиспытателей и врачей“, годъ IV, Томскъ 1894, стр. 298).

***) Тамъ же стр. 309.

Я имѣю такія свѣдѣнія о населеніи Сургутскаго уѣзда:

По официальному отчету къ 1 января 1913 года въ уѣздѣ „числилось“ населенія 10804 человѣка. Населеніе уѣзда, за исключениемъ города, состояло изъ 9360 человѣкъ, изъ нихъ 4773 мужскаго пола и 4587 женскаго; слѣдовательно, на 100 мужчинъ приходилось 96,1 женщинъ (или на 100 женщ.—104 мужч.), что почти совпадаетъ съ выводами изъ циѳръ Н. М. Ядринцева. Число домовъ въ уѣздѣ 1278, на каждый домъ приходится 7,3 чел. (мужчинъ 3,7 и женщинъ 3,5). Въ городѣ „числилось“ 1444 чел., изъ нихъ было 745 мужч. и 699 женщ. Домовъ въ городѣ — 230. Въ виду того, что многіе изъ мѣщанъ, вошедшихъ въ составъ показанной циѳры мужскаго населенія, только „числятся“ въ Сургутѣ, а фактически проживаютъ въ другихъ городахъ, напр. въ Томскѣ, Тобольскѣ,—я не могу дѣлать заключенія о преобладаніи въ Сургутѣ числа мужчинъ надъ числомъ женщинъ, а также приходится воздержаться и отъ другихъ заключеній.

Населенныхъ мѣсть въ уѣзде, кроме города, въ 1913 году считалось 248. Селенія невелики. Такъ, с. Юганское состоить изъ 13 русскихъ дворовъ и трехъ инородческихъ юртъ; въ немъ имѣется церковь съ постояннымъ причтомъ, инородческая управа, запасный хлѣбный магазинъ. Посѣщенія мною Нѣмчиновы и Невойлокины юрты, расположенные на низменныхъ, водотопныхъ мѣстахъ, состоять — первая изъ 5, вторая — изъ 10 отдельныхъ помѣщений.

Проехавъ по р. Оби въ 1913 г., я невольно сравнивалъ свой путь съ бывшимъ 23 года назадъ по отношенію населенности этого края и наглядно убѣдился, что я былъ правъ, когда въ 1890 г. писалъ, что 61° широты не избѣжитъ со временемъ наплыва русского населенія. Уже въ настоящее время населеніе замѣтно увеличилось. Тамъ, где были юрты Вартовскія, нынѣ село Вартовское; на мѣстѣ Нижнихъ Лумпокольскихъ юртъ образовалось село Александровское; юрты Покурскія превратились въ село Покурское, со школой. Кромѣ юртъ построекъ въ самомъ городѣ Сургутѣ увеличилась: ранѣе кладплощадь построекъ въ самомъ городе Сургутѣ увеличилась: ранѣе кладбище было въ города, теперь оно окружено жилыми строеніями.

Тѣмъ не менѣе Сургутъ по вѣнчному виду менѣе всего напоминаетъ городъ. Здѣсь нѣтъ ни казначейства, ни тюрьмы, ни даже базара и лавки съ печенымъ хлѣбомъ. Нѣтъ ни одного каменнаго зданія, кроме старинной церкви на берегу. Полицейское управление, камера мирового судьи, инородческая больница, мужское и женское училище, мѣщанская управа, почтовая — и только съ осени 1913 года, съ проведениемъ телеграфа, ставшая почтово-телеграфной — контора, казенная винная лавка, чайная Общества трезвости, — вотъ и всѣ учрежденія этого города.

„Чайная“ представляет позднейшее учреждение и помещается въ зданіи бывшей здѣсь ранѣе воинской команды. Помѣщеніе ея состоятъ изъ маленькой столовой, небольшой свѣтлой читальни, въ которой находится скромная общественная библіотечка, порядочной величины зрительного зала съ эстрадой, на которой ставятся любительскіе спектакли (здѣсь же, на эстрадѣ, стоитъ граммофонъ на случай бывающихъ танцевальныхъ вечеровъ), далѣе — изъ комнатки для завѣдующей этой чайной и изъ кухни, въ которой печется хлѣбъ, продаваемый въ пользу этого просвѣтительного учрежденія. Во дворѣ находится изба для прѣѣзжающихъ инородцевъ.

Днемъ улицы города пустынны; зеленое полотно этихъ первовныхъ улицъ говорить обѣ отсутствіи ъезды. Развѣ изрѣдка можно увидать высунутую изъ подворотни блокуру головку мальчика. Раннимъ утромъ, обыкновенно босикомъ, движутся дѣвушки съ коромысломъ и ведрами на плечахъ къ рѣчкѣ Бардашовкѣ за водой. Вечеромъ мѣстами замѣтно оживленіе: парни играютъ въ мячъ, дѣвушки въ „разлукѣ“ или „догоняшки“, а взрослые, всегда одѣтые въ темнаго цвѣта костюмъ, медленно прохаживаются посрединѣ улицы; тротуаровъ здѣсь нѣтъ. Только разъ поздно вечеромъ мнѣ встрѣтилась компанія молодежи, громко распѣвшая. Издали мнѣ казалось, что поютъ что-то похоронное. Но, поравнявшись съ пѣвцами, я разобралъ, что это поютъ известную пѣсню: „Нелюдимо наше море“. Климатъ и угрюмый видъ природы наложили свою печать и на мотивъ этой по существу энергичной пѣсни поэта Языкова.

Аборигены края — остыки представляютъ народность своеобразнаго антропологическаго склада. Низкаго роста, длинорукіе, темно-русые, со слабо развитой волосатостью на лицѣ, блокожіе, длинноголовые и низкоголовые, широколицые, широконосые, тонкогубые,— остыки по языку относятся къ финскимъ племенамъ, по образу жизни — по большей части къ кочевымъ рыболовамъ и звѣроловамъ.

Въ спбірской лѣтописи *Саввы Есипова*, — пишетъ *М. Ф. Крикошапкинъ*, — про остыковъ сказано: „Сіи человѣци — сыроядцы, звѣрна же и падская мяса снѣдающе скверно и кровь піаху, яко воду, отъ животныхъ, а также и траву и корение ядаху“ *).

То же говорить и *Спаѳарий*. Замѣтивъ о Сургутѣ, что „тутъ прежде сего бывала Пѣгая орда остыцкая“, и что „многіе остыки живуть въ Сургуцкомъ уѣздѣ больши дву тысячъ“, Спаѳарий пишетъ: „Сей народъ есть, который отъ греческихъ и латинскихъ историковъ пимянулся ихеофаги, се есть рыбоядцы, потому что всѣ остыки ловятъ

*.) *Крикошапкинъ*, М. Ф., „Енисейскій округъ и его жизнь“, т. II, Петр. 1865, стр. 130.

рыбу всякую множество много. И иные и сырью ёдятъ, а иные сушать и варять; однажде соли и хлѣба они не знаютъ, опричь рыбы, да корень бѣлой, сусакъ, который они лѣтомъ собираютъ въ запасъ, сушать и зимою ёдятъ. А хлѣбомъ не могутъ жить. А которые насытятся хлѣбомъ, и тѣ помрутъ... И не токмо для ради прокормленія своего рыбу ловятъ, но и платье себѣ изъ рыбной кожи дѣлаютъ, и сапоги, и шашки. А шьютъ ихъ рыбными жилами" *).

И въ настоящее время остыки—тѣ же сыроядцы и рыбоядцы, что и прежде, не брезгаютъ и палой скотиной, а свѣже убитый лось или олень для нихъ.—лакомое блюдо, при чёмъ отрѣзанные куски сырого мяса, обмокнутые въ теплую кровь животнаго, поѣдаются ими съ удовольствіемъ. Но къ хлѣбу остыки привыкли, и напизанныя на прутья или лучину лепешки пекутъ передъ костромъ или въ особыхъ глиняныхъ печахъ.

Что касается до корня „сусакъ“, то мои справки о немъ у мѣстныхъ жителей не увѣнчались успѣхомъ. П. Н. Крыловъ сообщилъ мнѣ, что подъ „сусакомъ“ разумѣется растеніе *Butomus umbellatus* L., корень которого можно употреблять съ голоду въ пищу. Это растеніе найдено г. Городковымъ въ Салымскомъ краѣ, по берегамъ рѣчекъ и большихъ озеръ. Н. Л. Скаловузовъ упоминаетъ о немъ въ „Ботаническомъ словарѣ“ растеній Тобольской губерніи **).

По сообщенію мѣстного участковаго врача А. А. Бродскаго, удивительна выносливость остыковъ зимой къ ледяной водѣ, которую они безнаказанно пьютъ въ большихъ количествахъ, но, правда, лишь тѣ изъ нихъ, которые незнакомы съ употреблениемъ горячаго чая. Употребление самовара, входящее въ общность у болѣе состоятельныхъ, лишаетъ способности безнаказанно переносить спанье полуодѣтымъ на 40°-номъ морозѣ и пить ледяной воды.

Одежда остыковъ (по крайней мѣрѣ, лѣтняя) въ настоящее время шьется изъ фабричныхъ матерій, обыкновенно ярко-пестрыхъ, широкополосатыхъ; любимый цветъ, повидимому,—оранжевый. Мужчины чаще ходятъ безъ шапокъ, съ распущенными, не знающими гребня и стрижки, волосами, или повязываютъ голову платкомъ; одѣты въ обычный русскій костюмъ волосы подстригаются, носить и картузъ, на которомъ иногда мотается бумажная магазинная этикетка съ означеніемъ цѣны. Женщины чаще одѣты въ свой национальный костюмъ, украшенный вышивками и вставками, нерѣдко также въ цветное платье русскаго фасона; при постороннихъ онѣ закрываютъ голову и лицо цветными

*.) Дорожный дневникъ Славорія, стр. 84.

**) Скаловузовъ, Н. Л., „Ботанический словарь“, стр. 20 („Ежегодникъ Тобольской губернск. музея, вып. XXI, Тобольскъ 1913“).

платкомъ или шалью, а чтобы лицо не открывалось, платокъ удерживали зубами или связываютъ у подбородка. Своеборзные сапоги и ботинки, называемые „ноговицами“, всегда шьются изъ оленей шкуры.

Нечистоплотность обоихъ половъ поразительна. Головные и платяные паразиты (*Pediculus capitis L.* и *P. vestimenti Nitsch.*) гнѣздятся въ такомъ количествѣ, что можно бы смѣло ставить для каждого диагнозъ *rhithiriasis*. Любопытно отношение остяковъ къ этимъ паразитамъ, отношение, о которомъ до сего времени ни приходилось ни слышать, ни читать. Въ ясный день, часовъ около четырехъ, я вышелъ съ биноклемъ на берегъ посмотретьъ на возвышающейся противъ города, за рѣкой, Каменный мысъ. Въ это время къ берегу, саженяхъ въ 15, присталъ каюкъ съ остаткой семьи: двое мужчинъ и двѣ женщины съ дѣтьми. Мужчины немедленно направились въ казенную винную лавку, одна женщина, покормивъ грудью ребенка, скрылась за ближайшимъ складомъ дровъ, а оставшаяся молодая, одѣтая въ малиновый холодай, подобие капота, уставилась на меня, разматривая бинокль, который я дерзко на нее и направилъ. Скоро я замѣтилъ, что остатка отъ времени до времени запускала руку то подъ головной платокъ, то за павуху и, вытачивъ что-то, подносила руку ко рту. Заинтересованный такой манипуляціей, я спросилъ своего спутника, вѣдающаго остаткія привычки, что это значитъ. Онъ, видимо, удивившись моему невѣжеству, объяснилъ, что всѣ остатки, особенно въ свободное время, ловятъ у себя паразитовъ и пойдаются имъ; мужчины стѣсняются заниматься этимъ въ присутствіи русскаго, а женщины не стѣсняются. Послѣднія, къ обояндному удовольствію, любятъ искать одна у другой головныхъ вшей и пойдаются имъ. По объясненію остатковъ, они потому ёдятъ этихъ паразитовъ, что послѣдніе родятся на нихъ и питаются ихъ кровью: „это—наша кровь“, говорятъ остатки. Позже я убѣдился, что и мужчины-остатки обладаютъ такой же привычкой, свойственной всѣмъ дикарямъ и обезьявамъ.

Не удивительно, что сургутяне-русскіе питаются къ остаткамъ неодѣльное презрѣніе, граничащее съ чувствомъ омерзѣнія, и только очевидная выгода имѣть дѣло съ искусственнымъ и выносливымъ въ урманѣ звѣроловомъ побуждаетъ сургутянъ не прерывать сношеній съ этимъ инородцемъ.

Неудержимая склонность остатковъ къ водкѣ дѣлаетъ ихъ совершенно несчастными. Пьютъ всѣ публично, и мужчины, и женщины, и молодые, и всегда по глотку, передавая бутылку изъ рукъ въ руки. И если изъ бутылки, при исходѣ ея содержимаго, сдѣлается кто-нибудь больше одного глотка, происходитъ скора и даже драка.

Вотъ яркая картина, какую приходилось видѣть г. Садовникову „въ самый разгарь попойки“: „Пьяны поголовно, даже подростки-дѣ-

вочки; лица исцарапаны, въ синякахъ; пьяные остыки, въ мокрыхъ платьяхъ и съ пѣною на губахъ, лѣзли цѣловаться съ таковыми же мужчинами и, обнявшись, падали на песокъ; кругомъ все хрюпѣло, сопѣло и стонало; раздавалась рѣгань и пожеланія — оборвать голову; у воды на берегу лежала вчера пойманная и теперь разлагавшаяся подъ лучами солнца рыба" *).

При остановкахъ парохода остыки всегда подплываютъ на своихъ легкихъ облазкахъ **) за водкой и охотно отдаютъ, какъ увѣряли меня, до шести рублей за четверть, а когда въ буфетѣ водка на пѣходѣ, то предлагаютъ и по пяти рублей за бутылку. При такой разорительной склонности къ опьяненію, громадное большинство остыковъ бѣдно и въ долгѣ у казны и у частныхъ лицъ — русскихъ.

И мужчины и женщины не только курятъ и нюхаютъ табакъ, но, смѣшавъ нюхательный табакъ съ золой, любятъ закладывать его за щеку.

Работоспособность мужчинъ-остяковъ ограничена добываніемъ звѣря и рыбы. Рѣдкій работаетъ по сбору кедровыхъ орѣховъ или въ услуженіи у русскаго: большинство предпочитаетъ, при отсутствіи охоты, ничего не дѣлать. Въ матросы и носильщики остыки никогда не набираются. Среди остыковъ встрѣчаются и не пьющіе или мало пьющіе и работающіе; конечно, такие остыки живутъ чище и богаче, употребляютъ грбень, имѣютъ самоваръ.

Остычки несравненно болѣе дѣятельны, чѣмъ остыки; они усердно и усидчиво работаютъ на себя, на мужчинъ, на дѣтей и по хозяйству: шьютъ и вышиваютъ платье и обувь, изготавливаютъ питки изъ оленевыхъ и лосиныхъ сухожилій, вяжутъ сѣти для охоты и рыбной ловли, приготовляютъ изъ бересты узорчатую домашнюю утварь, готовятъ пищу, кормятъ собакъ.

Своей азбуки у остыковъ нѣть. Ихъ выговоръ русскихъ словъ крайне неясенъ для непривычного уха. Звукъ *д* у нихъ пропаносится какъ среднее между *д* и *т*; звукъ *н* — какъ среднее между *н* и *ֆ*; звукъ *к* — какъ среднее между *к* и *и*. Напр., слово „Юганъ“ они произносили какъ среднее между „Юганъ“ и „Юканъ“.

Я старался здѣсь отмѣтить преимущественно такія особенности въ картинѣ жизни русскаго и инородческаго населенія края, о которыхъ въ доступной мнѣ литературѣ не встрѣчалъ свѣдѣній.

*) Садовниковъ, „Съ рѣки Ваха Сургутского уѣзда“, стр. 5.

**) Облазка — называется маленькая (для одного или двоихъ) лодка, сдѣланная изъ пѣльного обрубка дерева (осины).

IV. Фауна Сургутского края.

Фауна промысловыхъ животныхъ въ Сургутскомъ краѣ въ минувшіе вѣка была довольно богатой. Такъ, въ 1625 году, при ясашномъ населеніи уѣзда въ 796 человѣкъ (безъ Ваховской волости, которая была взята въ 1645 г. и число ясашныхъ инородцевъ увеличилось до 981 чел.), собрано было съ инородцевъ ясака всякимъ звѣремъ до 160 сороковъ соболей; при этомъ, кромѣ соболя, въ ясакъ брали бобровъ, горностаевъ, лисицъ,rossomахъ, бѣлокъ. Тогда русскіе промышленные люди добыли почти по 120 соболей на человѣка^{*)}.

И въ началѣ 80-хъ годовъ прошлого столѣтія г. Швецовъ, перечисливъ промысловыхъ звѣрей, птицъ и рыбъ Сургутского края, писалъ: „все это въ чудовищныхъ размѣрахъ населяетъ тайгу, ея болота, озера и рѣки и служитъ приманкой для человѣка“^{**)}.

Благодаря погребительной вѣковой охотѣ за пушнымъ звѣремъ количество его въ послѣднія десятилѣтія стало быстро уменьшаться, при чемъ о бобрѣ остались только воспоминанія, а охота на соболя, въ виду уменьшенія его, по закону 9 іюня 1912 г. воспрещена съ 1 февраля 1913 г. по 15 октября 1916 г.

Г. Швецовъ, описывая урманъ Васыоганъ, гдѣ „деревья, сплетаясь вѣтвями съ выющими растеніями, зачастую не пропускаютъ ни струй воздуха, ни лучей солнца“, прибавляетъ: „Здѣсь-то, во тьмѣ, дуютъ и смрадѣ болотъ, грязный и изнуренный трудомъ и болѣзнями оставляютъ бѣлку, лисицу, соболя и другихъ звѣрей, подвергаясь опасности быть задраннымъ медвѣдемъ или затоптанымъ лосемъ“^{**}). Хотя краски этой картины нѣсколько сгущены, тѣмъ не менѣе въ настоящее время охотнику нужно вѣходить много пустынныхъ, лишенныхъ всякаго пріюта, мѣстъ, прежде чѣмъ онъ найдетъ звѣря, задавленнаго чирканомъ^{***}) или убитаго настороженнымъ лукомъ.

Для прибыльной охоты за каждымъ животнымъ избирается соотвѣтственное время года; въ общемъ такое время тянется съ іюля по апрѣль слѣдующаго года. Въ маѣ и іюнѣ, когда большая часть остррововъ и луга затоплены, а оттаявшія болота не даютъ возможности углу-

^{*)} Буцинскій, П. Н., „Къ исторіи Сибірп. Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ до 1645 г.“, стр. 12.

^{**) Швецовъ, С., „Очеркъ Сургутского края“, стр. 3.}

^{***) Швецовъ, С., указ. соч., стр. 3.}

^{****)} Въ Сургутѣ я приобрѣлъ чирканъ (=чирканъ), но считаю издавнинъ описывать этуловушку, построеннную по принципу лука-самострѣла, потому что подробное описание ея помѣщено у М. О. Кризовашкина („Енисейскій округъ и его жизнь“, т. II, стр. 114—115) и у И. И. Дочевскаго, который далъ и рисунокъ этого снаряда („Охота въ Томской губерніи“, стр. 13—15, въ изданіи „Научные очерки Томскаго края“, Томскъ 1898).

бляться въ нѣдра урмана, не промышляютъ ни звѣря, ни птицы, ни рыбы. Въ теченіе юнія мѣсяца я ставилъ въ ближайшей къ Сургуту тайгѣ кашканы, а въ подпольяхъ жилищъ ловушки, но, кромѣ домашней мыши, ничего другого не получилось.

Изъ собранныхъ мною позвоночныхъ млекопитающія были определены при участіи профессора М. Д. Рузского, птицы — Г. Э. Іоганеномъ; этимъ лицамъ считаю пріятнымъ принести мою искреннюю благодарность.

Рептилій и амфибій собрано мной такое количество видовъ, какое полагается — такъ сказать — по штату въ этой таежной мѣстности, подъ 61° сѣв. шир. Виды — извѣстные, но въ данномъ случаѣ имѣть значеніе научно обоснованный фактъ нахожденія этихъ животныхъ, до сихъ поръ здесь только предполагаемыхъ на основаніи общихъ соображеній. О рыбахъ, имѣющихъ промысловое значеніе, я собралъ свѣдѣнія на мѣстѣ, самъ же ловлей рыбъ не занимался.

Сборы беспозвоночныхъ, большую часть которыхъ составляютъ насѣкомые, разработкой не закончены, — и въ этомъ отношеніи я ограничусь немногимъ.

Что въ Сургутскомъ уѣздѣ встрѣчаются летучія мыши (Chiroptera), объ этомъ писалъ И. Я. Словцова, а въ послѣднее время упоминаетъ Б. Н. Городковъ, слышавшій чистъ этихъ животныхъ на верховьяхъ р. Салымы. Мне не удалось достать летучей мыши. Въ этомъ краѣ вѣроятно нахожденіе сѣверного кожана (Vesperugo borealis Nilss.).

Изъ насѣкомоядныхъ (Insectivora) мною добыто два экземпляра лѣсной землеройки (Sorex aganeus L.). Въ уѣздѣ также вѣроятно присутствіе водяной землеройки (Neomys fodiens Pall.), но сомнительно существование крота (Talpa), какъ объ этомъ сказано въ началѣ статьи.

Хищныя (Carnivora) края составляютъ важный предметъ промысловой охоты.

Бурый медвѣдь (Ursus arctos L.), два черепа котораго я привозилъ въ Невоялокиныхъ юртахъ и съ р. Юганы, — обыкновенный обитатель высокоствольнаго урмана по рѣкамъ Оби, Ваху и Югану. По рассказамъ, въ уѣздѣ чаще встрѣчаются бурые медвѣди, рѣже „черные, какъ уголь“, послѣдніе больше по размѣрамъ; съ бѣлымъ ошейникомъ чаще пощаются маленькие, а взрослые — рѣдко.

Не одни остякі, но и многие русские (сургутяне) полагаютъ, что медвѣдь хорошо понимаетъ остяцкую рѣчь. Мне передавали, что на женщины медвѣдь не нападаетъ. Но однажды остякъ съ женой были въ урманѣ, при чёмъ остячка отдалась отъ мужа въ сторону. Вдругъ послышался крикъ. Остякъ побѣжалъ и скоро увидѣлъ, что передъ его испуганной женой всталъ медвѣдь. Тогда остякъ началъ его уговаривать.

тать и стыдить. Медвѣдь повѣрнулся и ушелъ, не причинивъ никому вреда. По понятіямъ осяковъ, медвѣдь — представитель правосудія на землѣ. Остякъ присягаетъ, цѣлюя медвѣжью лапу и приговаривая: „задерп меня медвѣдь, если я скажу неправду“, — и убѣжденъ, что всякий медвѣдь слышитъ его. Шкура медвѣдя всегда продается безъ лапъ^{*)}.

Волкъ (*Canis lupus L.*), по г. *Дунину-Горкаевичу*, — постоянный обитатель дальніаго сѣвера и спутникъ домашнихъ оленыхъ стадъ; на югъ онъ только заходитъ, преслѣдуя дикихъ оленей или сопутствуя обозамъ съ грузомъ рыбы и пушнины.

Лайка (*Canis familiaris borealis Br.*) представляетъ животное среднее между дикимъ и домашнимъ. Однимъ изъ существенныхъ отличій лайки отъ собаки, какой бы то ни было породы, служить сильно развитые клыки, при этомъ задніе коренные зубы развиты слабо, почему высота верхняго клыка у лайки превосходитъ длину двухъ задніхъ коренныхъ зубовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Такое же явленіе наблюдается у волка, лисицы, песца, корсака. Другіе признаки, какъ заостренныя и торчащиа кверху уши, острыя морда, косо расположенные глаза и пушистый хвостъ, загнутый кверху и немного въ лѣвую сторону, — могутъ встрѣчаться и у другихъ собакъ.

Мѣй доставлена шкура съ черепомъ типичної осяцкой лайки съ р. Юганы; цвѣтъ ея шерсти бѣлый по всей поверхности. Видѣнныя мною лайки были различны по окраскѣ; чаще бѣлые и пестрые: различныя комбинаціи бѣлаго, рыжаго и чернаго цвѣтовъ, во преимущественно двухъ первыхъ; чернаго цвѣта лайки попадались рѣдко.

Остяки всегда привязываютъ лаекъ у своихъ юртъ съ той единственной цѣлью, чтобы онъ не убѣжалъ однѣ на охоту. Хорошая лайка легко добываетъ птицу и такого звѣря, какъ соболь. Въ остальныхъ отношеніяхъ эти собаки являются для осяковъ какъ бы членами семьи; кормленіемъ собакъ занимаются осячки, при чемъ и пища и посуда у осяковъ общія съ ихъ собаками. Къ сожалѣнію, ни осяки ни русскіе не заботятся о сохраненіи чистоты породы своихъ лаекъ, допуская скрещивание послѣднихъ съ дворняжками, легавыми и другими домашними породами. Поэтому въ г. Сургутѣ трудно встрѣтить чистокровную лайку; эта порода въ большей чистотѣ сохранилась по рекамъ Югану, Ваху и другимъ притокамъ Оби. Взятый мной въ окрестностяхъ города черепъ, какъ увѣряли, лайки оказался принадлежащимъ помѣси лайки съ дворняжкой.

Песецъ (*Vulpes lagopus L.*). — Хотя южная граница распространѣнія песца считается около поляриаго круга, 66° с. ш., однако зимой

^{*)} *Дунин-Горкаевичъ, А. А., Сѣверъ Тобольской губерніи*, стр. 81.

онъ появляется многою южне: его добываютъ ежегодно зимой по рѣкѣ Ваху, часто въ окрестностяхъ Сургута и даже въ области р. Юганы. Изъ послѣднихъ мѣстностей я получилъ три черепа песцовъ, добытыхъ въ декабрѣ 1913 г.

Лисица (*Vulpes alopex L.*) распространена въ Сургутскомъ уѣзда. По цвету шерсти и рисунку чаще попадается рыжевато-красная (обыкновенная), затѣмъ бѣлодушка (со свѣтлой грудью и брюхомъ) и сиводушка (на груди и брюхѣ темная шерсть); сѣдо-бурыя и черно-бурыя встрѣчаются рѣдко. Добываютъ лисицу, какъ и песца, капканами и сторожевыми луками.

По разсказамъ, въ Майонскихъ юртахъ остыки приручили обыкновенную лисицу, которую кормятъ тухлой рыбой. Живущій поодаль въ тайгѣ черно-бурый самецъ посѣщаетъ лисицу, и послѣдняя приноситъ три раза въ годъ черно-бурыхъ лисята (не менѣе трехъ за разъ), которыхъ остыки выкармливаютъ; когда же лисята подрастутъ, ихъ убиваются, и каждую шкурку продаютъ въ Тобольскѣ за 180 руб. Я пріобрѣлъ три черепа лисицъ, добытыхъ въ окрестностяхъ Сургута.

Рысь (*Felis lynx L.*) встрѣчается въ урманахъ по р. Югану, откуда мною полученъ черепъ этого хищника.

Россомаха (*Gulo luscus L.*) встречается въ юганскомъ урманѣ, откуда мною получены два черепа этого животнаго.

Барсукъ (*Meles taxus Pall.*), говорятъ, встречается въ уѣзде (*Словцово*), — вѣроятно, не часто, какъ и въ сосѣднемъ Нарымскомъ краѣ.

Рѣчная выдра (*Lutra lutra L.*) распространена по уѣзу; одинъ черепъ этого животнаго мною полученъ изъ мѣстности по р. Югану.

Соболь (*Mustela zibellina L.*) въ настоящее время является въ уѣзде большой рѣдкостью. Въ с. Юганскомъ мнѣ случилось видѣть одну шкурку соболя, добытаго въ верховьяхъ р. Демьянки; шкурка была принята въ качествѣ ясака по цѣнѣ въ 35 рублей. Г. Дунинъ-Горжавичъ сообщаетъ, что въ хорошие годы (въ концѣ прошлаго столѣтія) по р. Югану добывали свыше 300 штукъ соболей.

Колонокъ (*Putorius sibiricus Pall.*) встречается преимущественно по р. Ваху. Я получилъ черепъ колонка, добытаго въ мѣстности по р. Югану.

Горностай (*Putorius ermineus L.*) распространенъ по сургутской тайгѣ. Я пріобрѣлъ черепъ экземпляра, добытаго въ ноябрѣ по рѣкѣ Югану.

Ласка (*Putorius nivalis L.*) — распространенный звѣрокъ, живущій обыкновенно въ подпольяхъ жилыхъ помѣщений. Въ с. Юганскомъ я добылъ лѣтній экземпляръ, въ г. Сургутѣ — зимнюю шкурку.

Изъ дикихъ копытныхъ (*Ungulata*) въ урманахъ по р. Югану водятся лось (*Cervus alces L.*) и сѣверный олень (*Rangifer tarandus L.*), рога которыхъ не трудно было пріобрѣсти въ с. Юганскомъ. Но чтобы получить цѣльную голову лося, обѣ этомъ необходимо заранѣе сдѣлать заказъ, такъ какъ остатки, по снятіи шкуры съ убитаго животнаго, мясо его съ мягкими частями головы (губы, щеки, языкъ, мозгъ) употребляютъ въ пищу или въ сыромъ видѣ или приготовляютъ впрокъ — вялять и сушатъ. Домашний олень встрѣчается повсемѣстно въ уѣздѣ. Верстахъ въ 10 къ сѣверо-западу отъ Сургута, въ урманѣ, находится станъ остатковъ и самоѣдовъ, прїезжающихъ зимой въ Сургутъ; это мѣсто называютъ „каимъ“. Здѣсь инородцы закалываютъ олений для употребленія въ пищу, при чёмъ головы животныхъ обыкновенно развѣшиваются по деревьямъ. Съ „каима“ я получилъ нѣсколько паръ роговъ.

Изъ копытныхъ домашнихъ животныхъ жители Сургута держать значительное количество лошадей (*Equus caballus L.*), отлпчающихся небольшимъ ростомъ и приспособленностью къ суровому климату. Въ теченіе весны и лѣта лошади пасутся на островахъ безъ всякаго надзора, и такъ какъ лѣтнее сообщеніе между населенными пунктами въ уѣздѣ исключительно водное, на лодкахъ, имъ не приходится работать. По замерзаніи рѣкъ лошадей собираются и приводятъ домой для различныхъ работъ: разъѣздовъ по юртамъ, перевозки лѣса и дровъ, заготовленнаго сѣна*) и проч. Зимой лошади помѣщаются при усадьбахъ въ особыхъ загородкахъ, безъ крыши, подъ открытымъ небомъ, гдѣ и переносятся всѣ невзгоды климата.

Домашний быкъ (*Bos taurus domesticus L.*) у русскихъ держится повсемѣстно, у остатковъ — рѣдко; порода мелкая, коровы посредственной молочности.

Изъ костей угасшихъ животныхъ по берегамъ рѣкъ Оби, Югана и Салымы встрѣчаются нерѣдко бивни мамонта (*Elephas primigenius Blumenth.*). У обскихъ и юганскихъ остатковъ, какъ я убѣдился пзъ рассказовъ, тѣ же представленія о мамонтѣ, какія существуютъ у инородцевъ Нарымскаго края**). Здѣсь также думаютъ, что мамонтъ — живой зѣръ, обитаетъ въ глуби рѣкъ и роетъ яры береговъ, чѣмъ производить обвалы; при такомъ рѣтъ зѣбы животнаго иногда обламываются, почему ихъ и находятъ въ обвалахъ. Г. Городковъ сообщаетъ, что, по мнѣнию салымскихъ остатковъ, мамонты живутъ и въ настоящее время въ „со-

*) По поводу множества лошадей у жителей Сибири острѣятъ: „Зачѣмъ у васъ такъ много лошадей?“ — Сѣно возить. — „А зачѣмъ такъ много сѣна?“ — Лошадей кормить.

**) Чулуковъ, С. М., „Жизнь и природа на Оби—Енисейскомъ кайалѣ“ („Естествозн. Географія“, 1909, № 10, стр. 10—11). — Григоровский, И. П., „Очерки Нарымскаго края“, стр. 49—50 („Записки Зап.-Сибирск. Отд. П. Р. Г. О., кн. IV, Омскъ 1882). .

рахъ“. „Они представляютъ изъ себя старыхъ громадныхъ щукъ, рогатыхъ и обросшихъ шерстью. На поверхность земли мамонты не выходятъ, но могутъ переходить изъ одного сора въ другой, подъ землей, сквозь материки. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется нахожденіе въ землѣ ихъ костей“*).

Изъ грызуновъ (Rodentia) въ окрестностяхъ Сургута и с. Юганского мною были добыты: мышь-малютка (*Mus minutus Pall.*), домашняя мышь (*Mus musculus tomensis Kastsch.*), полевка-экономка (*Microtus oeconomus Pall.*), красная полевка (*Microtus rutilus Pall.*), водяная полевка (*Arvicola amphibius L.*), траурный заяць-бѣлякъ (*Lepus variabilis Pall. forma lugubris Kastsch.*), сибирскій бурундукъ (*Tamias asiaticus Gmel.*), обыкновенная бѣлка (*Sciurus vulgaris L.*) и летяга (*Sciuropterus russicus Tiedemann*).

Зайцы и бѣлки служатъ предметомъ промысла. Для ваховскихъ и юганскихъ осяксовъ бѣлка служитъ главнымъ источникомъ дохода: въ хорошие годы ее добываютъ по р. Ваху около 250 тысячъ штукъ, а по р. Югану — около 100 тысячъ штукъ. Промышляютъ ее съ конца ноября до половины марта: по Ваху — ручнымъ лукомъ, при чёмъ употребляются тупоконечные стрѣлы, а по Югану — чирканомъ. Г. Садовниковъ, сообщая, что по берегамъ р. Ваха водится очень много бѣлки, замѣчаетъ, что недостатокъ пищи побуждаетъ бѣлку переселяться съ одного „материка“ на другой, и что, проходя черезъ „материкъ“, она втыкаетъ на сучья деревьевъ грибы, которые и служатъ пищею сзади идущимъ**).

Имѣющіяся въ литературѣ свѣдѣнія о пернатомъ царствѣ Сургутского уѣзда далеко не полны и недостаточно точны, такъ какъ основаны преимущественно на показаніяхъ мѣстныхъ жителей. Таковы болѣе старыя свѣдѣнія у Палласа въ „Zoographia Rossio-Asiatica“, основанныя на указаніяхъ студента Зуева, и болѣе поздніяя у Словцовова въ статьѣ „Позвоночныя Тюменского округа и ихъ распространеніе въ Тобольской губерніи“. Словцовъ даетъ мало прямыхъ указаний на Сургутский уѣздъ, относительно же многихъ видовъ птицъ говорить, что они распространены или по всей губерніи, или въ ея сѣверной и средней частяхъ.

Другія, имѣющіяся въ литературѣ, свѣдѣнія о птицахъ Сургутского уѣзда уже потому не претендуютъ на полноту и точность, что даны лицами, некомпетентными въ этой области зоологии, хотя эти свѣдѣнія представляются не лишенными интереса.

*) Городковъ, Б. Н., „Поѣзда въ Сахымскій край“, стр. 59.

**) Садовниковъ, „Съ реки Ваха Сургутскаго уѣзда“, стр. 3.

И. Я. Неклесаевъ сообщаетъ, на основаніи наблюденій сургутянъ, слѣдующія свѣдѣнія относительно прилета весеннихъ птицъ *):

Первой весенней птицей, — пишетъ г. Неклесаевъ, — вмѣсто жаворонковъ или грачей, которыхъ тамъ нѣтъ, въ Сургутѣ считается ворона, которая на зиму улетаетъ и прилетаетъ въ 10-хъ числахъ марта, почему мѣсяцъ мартъ и зовется здѣсь „воронинымъ мѣсяцемъ“. Около 25 марта появляются лебеди такъ называемой „большой станицы“ и „селезни“ — кряковые утки, которыхъ сургутяне зовутъ „купцами“. 1 апрѣля прилетаетъ „мартышка“ — чайка. Около 10 апрѣля прилетаетъ „мышеловъ“ — сова. Къ 12 апрѣля, когда начинается въ р. Оби прибыль воды около аршина, появляются гуси, сначала „большой станицы“ — бурякъ, лехъ, а затѣмъ и „малой станицы“ — „казарка“, „чиквой“, п лебеди „малой станицы“ — „лайка“. За ними прилетаютъ: сначала „сѣрая утка“ — чирки, которыхъ сургутяне зовутъ „крестьянами“, вострохвостыя, называемыя „казаками“, „свезды“, которыхъ называютъ „мѣщане“, плосконосая утка, которыхъ зовутъ „стяки“ (вѣроятно — „остяки“); а потомъ прилетаетъ „черная“ утка: гоголи, (ихъ зовутъ „почтари“), черниди, головни, кархали, савъ-кулики, лутки и „многія другія“. Потомъ прилетаетъ болотная птица: зуйки, кулики, бекасы. Послѣдней птицей является кукушка, которая прилетаетъ около 9 мая.

Орель и коршунъ прилетаютъ въ февраль, когда стоитъ еще глубокая зима, и потому не считаются весенними птицами. На зиму остаются только тетера — „глухарь“ (самецъ) и „пеструха“ (самка), „ко-сачъ“-самецъ и его самка „полюшка“, куропатки, рябчики, дятлы, сороки, снѣгпри, мелкія „шашки“ и, кажется, воронъ.

Г. Садовниковъ пишетъ, что по р. Ваху прилетѣть птицы підь въ такомъ порядке **): „Въ февралѣ мѣсяцѣ прилетаетъ орель, за нимъ снѣгпри, а въ послѣдніхъ числахъ марта съ громкимъ карканьемъ появляется ворона; еще до вороны прилетаютъ лебеди, останавливающіеся на болотахъ, гдѣ вода не замерзаетъ. За ними являются коршуны, скворцы, ласточки, мартышки, утки и жаворонки. Дикие гуси не останавливаются здѣсь, а летѣть далѣе на востокъ и на сѣверъ, остаются же только утки, кулички, небольшое количество кроншнеповъ, пурпурка лебеди. Много остается вострохвоста: здѣсь царство его. Въ началѣ лѣта являются стрижи и строять гнѣзда въ ярахъ.“

„Птицы отлетаютъ назадъ поздно — въ послѣдніхъ числахъ сентября; много самцовъ улетаетъ линять, перемѣнить опереніе, на р. Оби еще въ срединѣ іюня“.

*) *Неклесаевъ, И. Я., „Повѣры и обычай Сургутскаго края“, стр. 198—199.*

**) *Садовниковъ, „Съ рѣкѣ Вахѣ Сургутскаго уѣзда“, стр. 3—4.*

Относительно другихъ итицъ авторъ кратко сообщаетъ: „Изъ птицъ водятся здѣсь глухари, косачи, тетери, рябчики, куропатки; маленькие филины и огромные, какъ говорятъ, отвертывающіе головы у молодыхъ телятъ оленей, совы и вороны; нѣсколько разрядовъ дятловъ, боровыя сороки и ронжи; за послѣднее время около жилья появился воробей, а лѣтъ 10 тому назадъ неизвѣстно откуда залетѣла пара голубей, одинъ изъ которыхъ былъ убитъ, а другой, проживъ въ домѣ цѣлую зиму, улетѣлъ и не вернулся обратно. Число пѣвчихъ птицъ здѣсь не велико: есть чечотки, синицы, жуланы, дрозды и другія какія-то сѣренкія птички“.

Г. Дунинъ-Горкаевичъ по поводу итичьяго промысла въ Сургутскомъ краѣ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія *):

„Добываніе птицы, — говоритъ онъ, — не составляетъ предмета промысла за отсутствіемъ спроса, по причинѣ отдаленности рынковъ, но въ народной экономіи края птица имѣеть значеніе, какъ продуктъ, замѣняющій мясо“.

„Прилетъ водяныхъ птицъ начинается недѣли за 2 или за 3 до вскрытия рѣкъ; первымъ появляется лебедь, за нимъ гусь и потомъ утка; но главное значеніе по количеству добычи имѣеть утка, затѣмъ гусь и, наконецъ, лебедь“.

„Время прилета утокъ находится въ зависимости отъ времени вскрытия рѣки: во время раннаго вскрытия рѣки и прилетъ утокъ бываетъ ранній. Въ Сургутѣ промыселъ этотъ начинается: ранній — 20 апрѣля, средній — 1 мая и поздній — послѣ 10 мая, что составляетъ разницу между раннимъ и позднимъ началомъ промысла въ 20 слишкомъ дней и вполнѣ соотвѣтствуетъ разницѣ между раннимъ и позднимъ вскрытиемъ здѣсь Оби“.

Въ юлѣ „промыселъ этотъ развитъ среди инородцевъ. Нѣкоторые остатки добываются въ это время до 1000 утокъ. Русскіе утку солятъ, а остатки сушатъ. Съ половиною августа и до первого снѣга, по 20 сентября, добываются глухаря, тетерева и рябчика. Зимою промышляютъ лишь одну куропатку“.

Если прибавить ко всему этому замѣчаніе г. Швецова о птицахъ, то, кажется, будутъ изложены здѣсь всѣ литературныя свѣдѣнія о первенствѣ царствѣ Сургутскаго края.

„Изъ птицъ, — пишетъ г. Швецовъ, — обиліе рябчиковъ, куропатокъ, различныя породы тетеревовъ, лебедей, гусей, гагъ, утокъ, журавлей... Изъ птицъ вѣтъ такихъ обычныхъ для болѣе южныхъ мѣстностей, какъ воробей, ласточка, галка, нѣтъ также и никакихъ пѣвчихъ птицъ“ **).

*) Дунинъ-Горкаевичъ, А. А., „Сѣверъ Тобольской губерніи“, стр. 88, 89, 91.

**) Швецовъ, С., „Очеркъ Сургутскаго края“, стр. 3.

При чтеніи приведенныхъ указаний не разъ теряешься въ догадкахъ, о какихъ птицахъ идетъ рѣчь.

Г. Садовниковъ говорить, что на р. Вахѣ встрѣчаются „огромные, отвертывающіе головы у молодыхъ телятъ оленей, совы и вороны“. Что воронъ, *Corvus corax* L., встрѣчается по р. Вахѣ, — безспорно, такъ какъ эта птица захватываетъ всю палеарктическую область, распространяясь къ сѣверу за полярный кругъ; что добычей ворона могутъ быть зайцы, — известно, но трудно допустить нападеніе (съ успѣхомъ) ворона на такихъ крупныхъ животныхъ, какъ молодые телята оленей. То же нужно сказать и о совахъ. Если въ приведенномъ разсказѣ нѣть сказочнаго преувеличенія, то не имѣется ли въ виду другая хищная птица огромныхъ, размѣровъ?

Г. Швецовъ утверждаетъ, что въ Сургутскомъ краѣ есть „гаги“. Такой фактъ быль бы очень интересенъ, если бы не приходило въ умъ невольное предположеніе, что не о „гагарахъ“ ли тутъ идетъ рѣчь, шкурки которыхъ нетрудно встрѣтить въ Сургутѣ.

При сопоставленіи приведенныхъ указаний нерѣдко оказывается, что одинъ авторъ отрицаетъ то, что утверждаетъ другой. Напр., г. Неклопаевъ говоритъ, что въ краѣ жаворонковъ и грачей нѣть; по Словцову, есть и тѣ и другіе; также и г. Садовниковъ пишетъ, что жаворонки есть. Г. Швецовъ говоритъ, что воробьевъ въ Сургутѣ нѣть; о воробьяхъ же здѣсь известно со временъ Палласа.

Вообще всѣ приведенные указанія представляютъ собой наглядный образецъ свѣдѣній о птицахъ, хорошо известныхъ населенію, которое и дало имъ свои названія, иногда своеобразныя, иногда сходныя съ употребительными для опредѣленныхъ птицъ. Но чтобы сказать, что рѣчь идетъ о такомъ-то видѣ животнаго въ научномъ смыслѣ, эти мѣстные указанія не даютъ надежной опоры.

Такой надежной опорой для познанія авиафуны мѣстности могутъ быть только самые объекты съ соответствующими датами мѣста и времени сбора.

Мною доставлена въ зоологический музей Томскаго университета коллекція мумій, шкурокъ, яицъ и гнѣздъ слѣдующихъ видовъ птицъ изъ окрестностей Сургута: дроздъ-рябинникъ (*Turdus pilaris* L.), дроздъ чернозобый (*Turdus atrigularis* Temm.), чеканъ черноголовый (*Pratincola maura* Pall.), славка садовая (*Sylvia borin pallida* Johansen), гапчика спбірская тусклоголовая (*Penthestes borealis baicalensis* Swinh.), поползень сибирскій (*Sitta europaea sibirica* Pall.), трясогузка бѣлая западносібирская (*Motacilla alba dukhunensis* Sykes), трясогузка желтая темноголовая (*Budytus flava borealis* Sund.), конекъ лѣсной западный (*Anthus trivialis* L.), береговая ласточка или стрижокъ (*Riparia riparia* L.), дубровникъ (*Emberiza aureola* Pall.), овсянка-крошка (*Emberiza pusilla*

Pall.), кедровка сибирская (*Nucifraga caryocatactes macrorhynchos* Brehm), кукша (*Perisoreus infaustus* L.), сорока (*Pica pica* L.), съюра ворона (*Corvus cornix Sharpei* Oates), большой пестрый дятель (*Dendrocopos major brevirostris* Reichenb.), малый пестрый дятель (*Xylocopis minor kamtschatkensis* Malh.), западносибирский трехпалый дятель (*Picoides tridactylus uralensis* Buturl.), кукушка (*Cuculus canorus telephonus* Heine), орлань-бѣлохвостъ (*Haliaëtos albicilla* L.), ястребь-перепелятникъ (*Accipiter nisus* L.), лебедь-кликунъ (*Cygnus cygnus* L.), кряква (*Anas boschas* L.), съюра утка (*Chaulelasmus streperus* L.), соксунъ (*Spatula clypeata* L.), чирокъ-трескунокъ (*Querquedula querquedula* L.), свіязь (*Mareca penelope* L.), сибирскій бѣлоносый глухарь (*Tetrao urogallus taczanowskii* Stejn.), зуекъ малый (*Aegialites dubia* Scop.), плавунчикъ круглоносый (*Phalaropus lobatus* L.), куликъ-воробей (*Tringa minuta* Leisl.), турухтанъ (*Machetes pugnax* L.), улитъ большой (*Totanus nebularius* Gunn.), мородунка (*Terekia cinerea* Guld.), клуша (*Larus fuscus* L.), чернозобая гагара (*Urinator arcticus* L.) и красношайная поганка (*Dutes auritus* L.).

Изъ гадовъ въ уѣздѣ встрѣчаются: а) пресмыкающіяся (*Reptilia*): обыкновенная гадюка (*Vipera berus* L.), три экземпляра которой взято въ окрестностяхъ Сургута, при чёмъ одинъ оказался типичной формы, а два — черного цвѣта, безъ рисунка (вар. *prester* L.), — и живородящая ящерица (*Lacerta vivipara* Jacq.), которой собрано пять экземпляровъ въ сургутской тайгѣ и подлѣ села Юганского; б) земноводные (*Amphibia*): съюра жаба (*Bufo vulgaris* Laur.), взята въ числѣ двухъ экземпляровъ около с. Юганского; болотная лягушка (*Rana arvalis* Nilss.), которой собрано 28 экземпляровъ въ разныхъ мѣстахъ уѣзда; травяная лягушка (*Rana fusca* Rösel.), которой взято 10 экз., и четырехпалый сибирскій трифонъ (*Salamandrella Keyserlingii* Dybowski), найденный около с. Юганского въ двухъ экземплярахъ. Всѣ эти гады являются распространенными въ уѣздѣ.

Рыбы, встрѣчающіяся въ бассейнѣ р. Оби, въ предѣлахъ Сургутскаго уѣзда, по полученнымъ мною на мѣстѣ свѣдѣніямъ, слѣдующія: окунь (*Perca fluviatilis* L.), ершъ (*Acerina cernua* L.), щука (*Esox lucius* L.), налимъ (*Lota vulgaris* Cuv.), карась (*Carassius vulgaris* Nilss.), пескарь (*Gobio fluviatilis* L.), чебакъ (*Leuciscus rutilus* L.), язъ (*Idus melanotus* Heck.), елецъ (*Squalius leuciscus* Heck.), линь (*Tinca vulgaris*), нельма (*Stenodus nelma* Pall.), сырокъ (*Coregonus pelet* Lep.), муксунъ (*Coregonus muksun* Pall.), стерлядь (*Acipenser ruthenus* L.) и осетръ (*Acipenser baerii* Brandt).

Изъ беспозвоночныхъ собирались почти исключительно насѣкомыя (*Insecta*), которыхъ взято болѣе 2500 экземпляровъ, и притомъ преимущественно муравы, жуки, чешуекрылые и стрекозы.

Коллекция муравьевъ состоитъ изъ 11 формъ, изъ которыхъ обыкновенны красногрудый древоточець (*Camponotus herculeanus* L.), рыжий муравей (*Formica rufa* L.), *Formica exsecta* Nyl., *Formica fusca* L. и черный муравей (*Lasius niger* L.); одна форма, по мнѣнию проф. М. Д. Рузского, оказалась новой, еще не описанной (*Formica rufa pratensis* Retz, var. *unicolor* nova).

Жуковъ собрано болѣе 1300 экз.; наиболѣе распространенными видами являются изъ семейства жужелицъ *Carabus clathratus* L., *Cara-bus maeander* F. W. и *Pterostichus niger* F., изъ сем. плавунцовъ — *Dytiscus marginalis* L. Другіе виды жуковъ тѣ же, какіе были встрѣчены мною на Обь—Енисейскомъ каналѣ, природу котораго часто напоминали мнѣ окрестности Сургута.

Чешуекрылыхъ встрѣтилось видовъ около 40; распространеннымъ видомъ является торфяная желтушка (*Colias palaeno* L.), которой собрано около 100 экз.; часты перламутровки — *Argynniss aphirape* Hb., *selene* Schiff., *euphrosyne singal* Hrbst., *pales arsilache* Esp., *frigga* Thnbg., *ino* Rott.; кропивница (*Vanessa urticae* L.), изъ голубянокъ — *Lycaena optilete* Knoch.; махаонъ (*Papilio machaon* L.) былъ встрѣченъ только разъ. Изъ ночныхъ найдены: тополевая зубчатокрыльница (*Smerinthus populi* L.), подмарениковый бражникъ (*Deilephila galii* Rott.), *Pterostoma palpina* L., *Arctia flavia nigricans* Lorez и немногіе другіе.

Коллекція стрекозъ отправлена для опредѣленія А. Н. Бартеневу въ Варшаву.

Необходимо прибавить, что изъ отряда двукрылыхъ въ Сургутѣ мнѣ привелось увидѣть личинокъ темнокрылого комарика, въ видѣ колонны, извѣстныхъ подъ названіемъ „ратнаго червя“, *Sciara militaris* Now., о чёмъ мною была составлена замѣтка *).

Нелишне сказать, что среди немногочисленнаго сбора кобылокъ изъ отряда прямокрылыхъ (*Orthoptera*) имѣется иѣсколько экземпляровъ сибирской кобылки (*Gomphocerus sibiricus* L.), извѣстнаго врага хлѣбныхъ растеній. Не исключена возможность, что при будущихъ посѣвахъ хлѣбовъ въ Сургутскомъ уѣздѣ борьба съ этой кобылкой можетъ быть неизбѣжна.

С. М. Чугуновъ.

*.) „Наблюденія надъ появленiemъ ратнаго червя въ западной Сибири“ („Естество-
знание и Географія“, 1914, № 1).